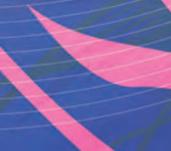

Литературный журнал

30/26.08.2015 Карлови Вари

ЧЕШСКАЯ ЗВЕЗДА

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

ПЕТР ЦЫПЛАКОВ Притча об источнике и садовых 3

о. ИОАНН ТУНГУСОВ Влюбленности минуты 4

ОЛЕГ ФАТХУТДИНОВ Отдых на природе 5

ЛАНА АЛЛИНА Отец 6

ГАЛЯ БУКАЕВА Девочка на шаре 8

ДЕНИС ШУМИЛОВ Рекордсмен 9

АННА МИР Украденный сюжет 10

КАТЯ ИВАНОВА Сказка о розовом слоненке 11

ИРИНА СТАРИЦЫНА Синица 12

ДАРИЯ АНДРЕЕВНА Спор 14

ТАТЬЯНА ШАММА-ДОЛИНИНА стихи 15

НОННА ИСАДСКАЯ Желание 16

НАШИ КНИГИ: АНОНС 18

Оформление журнала - Святополк

Редакционная коллегия журнала приглашает авторов к сотрудничеству

- Принимаем на рассмотрение прозаические и поэтические работы любого объема с их дальнейшей публикацией на страницах журнала «Чешская Звезда».
- Осуществляем публикацию и помощь в реализации книг на территории Чешской Республики и Евросоюза.

Телефон редакции: **+420 353 223 292**

Электронные почты:

nick@czechskazvezda.net

czechskazvezda@seznam.cz

Адрес для почтовых отправлений:

Vítězná 37/58, Karlovy Vary, Drahovice 360 01 Česká republika

Адрес редакции:

Horova 2017/12, č. k. 219, Karlovy Vary, 360 01 Česká republika

По вопросам размещения рекламы обращаться по телефону: **+420 353 223 292**

или по электронной почте: sklenny.mustek@seznam.cz

Петр Цыплаков

Притча об Источнике и садоводах

Автор публикуется с 2015 г. На PROZA.RU опубликованы: миниатюра «Единый и Единственный», новеллы «Зов Премудрости Божией», «Дети Солнца», «Зов Зари», «Еврейская симфония», «Притча о жаждущих», «Исцеление Любовью», «Полет», «Притча об Источнике и садоводах», стихотворения «Грани Первосвета», «Вечный сад», «Пробуждение», «Прозрение», «Искреннее», «Радикальное братство», «Молитва простодушных», «Ностальгия», «Возвращение к Отцу», «Брату», «Утро», «Певцы Земли», «Сострадание Христу», «К Закону и ко Христу», «Крещение огнем», «Законы грамматики», «Причастие».

«Потеку путем заповедей Твоих, когда Ты расширишь сердце мое» (Пс. 118, 32)

В бедной дождями местности жил народ садоводов, и труд их был успешен благодаря обильному водой источнику. Под руководством мудрого правителя они построили систему каналов, по которым вода от источника достигала самых удаленных садов. Система орошения была настолько совершенна, что воды хватало на всех, и люди жили в радости, объединяя усилия в совместном возделывании садов.

Однако со временем правление над народом перешло к сыну правителя. Правитель же, не вполне полагаясь на сына, позаботился о том, чтобы послание, содержащее и тайны мудрого управления народом, и тайны правильного использования каналов, попало в руки того из потомков правителя, который будет достоин этого знания.

Сын правителя и в самом деле оказался недостойным преемником. Он пожелал безраздельно властвовать, требуя выполнения любых своих повелений, независимо от того, во благо они были народу или нет. Чтобы обрести такую власть, сын стал использовать систему оросительных каналов для поощрения и наказания подданных. Тем, кто не выполнял его волю, он не давал доступа к воде, доколе они не смирились. Из-за столь неправильного использования система подачи воды, во многом основанная на доверии и добрососедстве, разрегулировалась. Потоки воды вышли из-под контроля, стали сеять смерть и разрушение. Поэтому по неволе пришлось отключить всю систему орошения от главного источника.

Шло время, и лишь небольшая часть народа сохраняла память о прежнем благоденствии. Но среди этой небольшой части были истинные хранители мудрости, верные первому правителю. Они имели знание, как скрытым образом получать доступ к главному источнику воды. В их садах били родники, незримо берущие начало от главного источника. И всякий, кто следовал их примеру, также получал ограниченный доступ к воде. Именно мудрые сохраняли послание от первого правителя для его грядущего наследника; впрочем, в меру своих возможностей, они и сами постигали мудрость этого послания. Одной из их забот стало сохранение в народе знания о структуре каналов и о культуре обращения с ними. Конечно, это знание пришлось приспособить к новым условиям и к восприятию народа, ограниченному из-за потери прежних навыков совместной жизни. Большая же часть народа совсем утратила прежнее знание, вверенная им часть системы орошения была занесена песками, сами же они ушли со своей земли.

Настал срок, и появился отдаленный потомок первого правителя, наследник мудрости. И послание ему было передано верными

и истинными. Часть народа ждала его появления, ибо подспудно чувствовала необходимость обновления. Многие переменялись с начальных времен, многому надо было учить остаток народа заново. Другие же народы, занявшие опустевшие земли, не имели даже начальных знаний о правильном орошении. Посему наследник мудрости стал учителем для многих, правителем же лишь для тех, кто принял его правление. Чтобы стать учителем для многих, наследник взрастил свой сад, в котором мощно забили под воздействием древнего знания родники жизни, и этот цветущий сад он сделал образцом для садов своих учеников. Самое главное знание, которое он принес – это возможность для каждого подключаться к главному источнику, воссоздавать систему орошения в своем уделе. Учитель ставил только одно условие: надо было заботиться о других так же, как о себе и давать доступ к воде тем, кто пока не может подключаться к главному источнику. Если ученики не делали этого, орошение оборачивалось разрушением или затоплением, или же вода просто уходила сквозь песок.

Непросто, конечно, было учителю распространять животворящее знание, ибо вся жизнь народа садоводов к тому моменту уже была основана на другом понимании предназначения каналов. Что же касается занесенной песками части системы орошения, то поселившиеся на этом месте народы откапывали временами целые ее фрагменты и даже руководства по ее использованию, но среди них это знание почиталось большей частью ветхим, устаревшим. Кроме того, правильное использование каналов требовало изначальных единства, взаимопонимания и любви, тех, какие были при первом правителе. Немногие были к такому готовы. Однако возможность подключения к главному источнику очень привлекала, и многие последовали за учителем, особенно из других народов. Вот только пользоваться во благо возможностью подключения к главному источнику было очень трудно всем, кто не учился, как должно, у учителя древнему знанию о правильном орошении...

Вместе с тем нашлись и такие, которые смогли стать, подобно учителю, наследниками мудрости (и из народа садоводов, и из других народов) – они смогли соединить новую возможность личного подключения к главному источнику с древним знанием о построении системы орошения. Эти наследники мудрости явили собой пример для многих. Учитель не оставлял наследников мудрости, он постоянно вел их к совершенству, ибо знал, что рано или поздно все разумные присоединятся к собираемому и вновь творимому им народу. И его ученики должны были сами становиться наставниками для присоединяющихся к ним.

Так вновь зацвели сады, и не только сады земные, но и сады душ, в которых обильные плоды приносит напоющая все любовь...

о. Иоанн Тунгусов

Влюбленности минуты

Они – особые. Врезаются так глубоко в сердце, что человек помнит о них, частенько, всю жизнь. В чём же их такая сила? Почему они так властно и в то же время нежно входят в душу? Или может быть наоборот, – нечто исходит в мир из души человека в такие моменты, обнаруживаясь в ней сокрытым до времени сокровищем?

Что же наполняет наше сердце, что мы уже не в силах забыть эти сладкие мгновения, сплетённые в минуты, часы или дни? Что кроется в одном лишь только взгляде молодой, жизнерадостной девушки, в котором пульсирует и доверчивая распахнутость души; и неподдельная весёлость рядом с серьёзностью, словно живой ключ к тайнам всех человеческих веков...

Мгновенная вспышка – и любовь ко всему живому: от муравья, стрекозы, жаворонка... до реки, поля, леса и всего человечества – охватывает вдруг сердце молодого человека, соприкоснувшегося с этой открывшейся, быть может, всего лишь на мгновение первозданной красотой!

И продолжающимся ответом может стать внезапно родившаяся, горячая, порывистая готовность совершенно не помнить зла и обид. Даже наоборот – желание крепко обнять всех – и друзей, и врагов – на нашей, такой маленькой и ставшей вдруг хрупкой Земле.

И остаётся только смотреть и молчать, смотреть и молчать – впитывать, потому что описать это состояние нет никакой возможности – перо моё слабо и беспомощно – настолько эфемерно, радостно-таинственно и пугливо, как настороженная лань, возникшее чувство. Для меня сложно объяснить и доходчиво растолковать эти минуты, потому что они не повторяются за всю человеческую историю, проявляясь в каждом человеке

своими глубоко индивидуальными чертами.

И они – влюблённости минуты – существуют вне времени и пространства, живя по своим законам, написанным, быть может, ещё для первозданного, не повреждённого грехом мира.

Эти, казалось бы, недолговечные, словно безмятежно-счастливый полёт души в весеннем чистом небе минуты, человек помнит целые долгие десятилетия. Хотя это внутреннее состояние так хрупко, что, казалось бы, даже лёгкий ветерок неурядиц может его, как маленькое облачко, вдалёк унести. Ан нет, память сердца бережно пронесёт их – эти драгоценные минуты – через печаль, горе и даже потерю вызвавших эти светлые чувства близких.

И уже на закате жизни они – минуты эти – внесут подспудно-незримо тихую, смиренную радость в, казалось бы, совсем безрадостные, скованные немощью, дни.

И порой этот личный жизненный путь (или скромная, еле заметная тропинка) ведёт сначала к Нему или к Ней, а от них – к детям и внукам. И дальше возможен следующий, но самый важный шаг – приближение, через обрётённую жизненной закалкой благодать, к Богу. Потому как это именно Бог заложил в человека способность любить.

Настоящая любовь в человеке растёт долго. Чтобы почувствовать её в себе, нужны годы, десятилетия упорного духовного труда. Пусть труд человека будет не осознаваем именно в таком роде, но добросовестное делание своей каждодневной работы, забота о родителях, воспитание детей и внуков в любви и терпении прине-

сёт именно такой духовный плод.

К сожалению, не каждым человеком этот путь оказывается пройден. Но у каждого были в жизни минутки, мгновения, в которые звонкими весенними (или зимними, летними, осенними) колокольчиками пульсировала в его сердце влюблённость.

А дальше, не сработав повреждённый грехом закон... но сработала впущенная некогда в сердце мать. Не стала влюблённость побуждающим мотивом чистых чувств, а была распластана самолюбивой осторожностью в угоду сиюминутных удовольствий, за которыми лишь поверхностная круговерть, не позволяющая произрасти в душе настоящему, глубокому чувству.

И как важно поддерживать в молодых людях необходимую нравственную чистоту, дабы грех не украл драгоценный дар первой влюблённости, и человек не скатился бы лишь в поверхностное, многократное воспроизведение сладкого нектара чувственной радости, что является наградой за жертвенность и служение друг другу, а уж точно не самоцелью.

Ведь это всё равно, что оговорить плату за работу, а после сказать: вы мне деньги заплатите, а работать (содержать семью, растить детей) я не стану... Ясное дело – выгонят такого «работника».

И мыкаются они, горемычные, по разным «работам», собирая лишь авансы чувственных удовольствий, разрушают семьи, оставляют после себя сиротство и безотцовщину, и нигде не могут найти настоящих утешения и радости. И, что самое страшное – такие люди даже никогда не смогут уже узнать, что такое радость настоящая, неподдельная.

Бог есть Любовь. И если сердце способно любить, ты не одинок, ты не сирота, ты не брошен в житейском море, будто утлая, отцепившаяся от жизненной пристани лодочка среди огромных на приволье молодых, не знающих берегов пенистых волн, готовых вот-вот раздавить тебя.

Но если познал человек Любовь – бережёт её как сокровище, потому что в нередкие минуты скорби, отчаяния, тоски и грусти, во всех тяжких жизненных передрыгах и испытаниях – будет согреваем ею.

И я вспоминаю, как в детстве лежал на тёплой, широкой русской печке, сложенной ещё моим дедом, которая дарила мне разухабистую, весёлую пляску огненных языков, таких ярких, что больно было долго смотреть на них, и я то и дело отводил от них глаза свои.

И главные события уже произошли в моей жизни, она уже выринула на финишную прямую, и мне хватает пока сил подкладывать всё новые полешки пережитых событий, прикрывая их разогретой чугунной дверцей памяти. Тикают на стене ходики дней с неугомонной кукушкой воспоминаний, слегка потрескивают дрова, но влюблённости минуты, через многие десятилетия, живут в памяти души, подсвечивая сердце той вроде бы далёкой, но одновременно и недавней радостью и умилением, раскрашивая, будто сочными акварельными красками всё горькое – что было и прошло на пути к обретению веры в Господа моего Иисуса Христа.

Олег Фатхутдинов

Отдых на природе

Наконец-то я дождался выходных! Всю неделю мечтал вырваться на природу и раствориться, так сказать, в её первозданной среде. Проблемы начались ещё тогда, когда я подъезжал к красивой речке Койва, петляющей среди высоких гор и лесного массива. Моя «ласточка» – пятый «жигулёнок» – вдруг защебетала как-то совсем уж не по-птичье и, рыкнув пару раз мне что-то нечленораздельное, замолчала.

– Хорошо хоть до дачи успел доехать! – подумал я, выходя из машины и вдыхая полной грудью ароматные духи нашей матушки-Природы. Я даже рот пошире открыл, чтобы глубже вдохнуть. Шайка комаров, кружившая неподалёку, с радостью бросилась ко мне как к лучшему другу, да не подрастала объёма моих лёгких и десяток смелых оказался у меня в горле. С грустью проглотил я своих непрошенных гостей. Прокашлявшись и закрыв машину, я пошёл на реку освежиться. Расстелил на песке полотенце, разделся, всё как подобает, и только было собрался погрузиться в водоём, как дорогу мне перегородил большой и наглый соседский козёл Сенька. Опять, видать, верёвку оборвал. Соседи его вместо собаки держат. Наглости этой скотине не занимать. Эта тварь бодает всё и вся, что только попадаете ему на глаза. Сегодня, по видимому, его жертвой должен был стать я. Я тоскливо вздохнул, оглядываясь, ища пути отступления. Сенька весело подмигнул мне и встал в стойку, нагнув свою голову с крутыми окрашенными рогами. Как бегают сайгаки я узнал на собственной шкуре в полной мере. Скорости мне ещё придавала крапива, обильно росшая вдоль склона речного берега. Матерясь и желая от всей души козлу всех жизненных благ, я добежал до дачи и только за спасительной дверью перевёл дух. А ещё ведь одежду как-то забрать надо. Да Бог с ней! Подобрал себе в шкафу кое-что из старой одежды, я решил пока на реку ни ногой, а прогуляться до леса, благо, малины в лесу полно. И вот я уже в лесу. Птички щебечут, бурундучки снуют туда-сюда, белки шишки тебе на голову кидают. Красота! А главное – никто тебя не бодает. Ага. Вот и малинник! Щас наемся до отвала малины и ещё на варенье насобираю, не зря же бидон прихватил. Малины – красным-красно! Только я губу раскатал, как со стороны малинника раздался громкий треск. Ещё! И ещё! Кто-то, думаю, мою малину уже собирает. Ну да ладно, тут на всех хватит. Только я об этом подумал, как вдруг из малинника пенёк какой-то вылетает и прямо в мою сторону. Я даже испугаться не успел, еле увернувшись от такого подарка.

– Эй! Что за фокусы? – крикнул я, чертыхнувшись для верно-

сти. Видно, малины кому-то жалко. Ветки в кустах пару раз хрустнули, а затем всё стихло. «Испугались!» – гордо ухмыльнулся я и стал собирать малину. Вот почти и полный бидон. Эх, варенье наварю! И тут – что за чёрт! На этот раз палка берёзовая летит, и как всегда в мою сторону. Плечо зацепила. Больно! У меня аж слёзы на глазах выступили. Ну, всё! Моё терпение лопнуло! Я вообще-то, кроме козла Сеньки, больше никого не боюсь. И я, подняв прилетевшую берёзину, смело кинулся к кустам на невидимого обидчика. Эх! Знал бы прикуп, не бродил бы по лесу! Стоя на задних лапах, на меня обалдело глядел большой медведь, одной лапой сжимавший небольшую ёлочку. Это он меня ещё хотел до кучи этой ёлкой нахлобучить. У меня от страха ноги ватные стали и берёзины почему-то в руках уже не оказалось. Потихоньку отступая туда, откуда меня чёрт приволок, я глаз не сводил с этого монстра. Медведь засопел, и это сопение не предвещало ничего хорошего. Я наступил на сухую ветку. Громкий треск. Медведь вздрогнул и опустил передние лапы на землю. Это было мне сигналом. «Сидел бы дома, чай с баранками наворачивал!» – думал я, несясь по лесу, перепрыгивая через разные лесные преграды. Надо оглянуться. Вдруг Потапыч отстал? Оглянулся! И тут же споткнулся о торчащий из земли корень. «Вот невезуха!» – думал я, летя по воздуху. Точно невезуха! Это ж надо было угодить головой в муравейник! Снова на ногах. Бегу, кричу и размахиваю, как мельница, руками. Эти лесные термиты куда только мне не залезли. И в рот, и в уши, и за шкуру. Вот и дорога! Оглянулся. Медведя не видеть. Стряхнул с себя этих полезных насекомых и без сил упал в траву отдышаться. Ёлки-палки! Бидон-то в лесу оставил! Ладно, хоть сам живой. Скальп на месте и это самое главное. Лежу я у дороги, с природой сливаюсь. Бабочка какая-то мне на нос села. Пускай сидит! Уж лучше она, чем эти муравьи кусачие. Кто-то по дороге едет. Лесовоз! Лес на пилораму повёз. Люди и в выходные дни, вон, вкалывают, а я лежу, балдею. Красота! Только я голову поднял, как вздумалось же этому водиле газануть посильнее. Из глушителя вырвались клубы чёрного дыма и прямо мне в лицо. Нет, ребята! Я так больше не играю! Сколько можно мои нервы испытывать?! Поплёлся я, пошатываясь и размазывая копоть по лицу, до дому. Из далека Сеньку-козла увидел, весело бегающего с моей рубашкой на рогах. Огородами, заборами, порвав штаны, добрался я до дачи и, не затопив печку, без сил упал на кровать. Ну, ничего! Завтра отремонтирую машину и на следующие выходные рвану снова на природу, сливаться, так сказать!

Отрывок из романа "Воронка бесконечности"

С самого детства она твердо усвоила: надо найти свое Дело в жизни и следовать ему.

Это самое важное в жизни.

— Мне надо еще поработать, — так говорил он даже в праздники, даже в субботние вечера, и, не слушая никаких возражений, упрямо шел в кабинет, к письменному столу, склонился над ним и писал... Весь, с головой, уходил в свое творчество... Поскрипывал пером — долгое время не признавал шариковых ручек и каждый вечер аккуратно заправлял он перьевую ручку синими чернилами, — из-под пера возникали, как на фотографии, проявлялись слова, одно за другим, нарисованные каллиграфическим круглым — бисерным почерком. Так было всегда, сколько она его помнила. Долгое время она не могла понять, как это можно работать всегда, даже когда все отдыхают. Лишь много лет спустя поняла — как и почему.

На письменном столе у отца стояли два белоснежных мраморных бюстика, когда-то привезенных им из командировок в США: левый бюст принадлежал Аврааму Линкольну, а справа сидел вылитый в мраморе крошечный Франклин Делано Рузвельт. Два великих президента Америки помогли отцу думать, творить, поддерживали уникальный, образцовый порядок на столе, стояли на страже особой — плотной — тишины и той совершенной научной атмосферы в кабинете, где стеллажи с книгами по истории, праву, философии Западного мира занимали целых три стены, от пола до самого потолка.

...Отец вернулся из университета, и вечером они устроились с ним в большой комнате. На улице стыла стужа, свистел, завывал ополчившийся на весь мир ветер, а в комнате было уютно, тепло, от торшера в углу разливался приглушенный золотисто-оранжевый свет.

— Ты что это такой довольный сегодня?

— А знаешь, лекция у меня сегодня очень хорошо получилась — даже самому понравилось! Вот и хорошее настроение поэтому! Значит, старался не зря. Я это почувствовал даже не столько по вопросам, сколько по глазам студентов и, главное, *теплой* стала аудитория...

— А что это значит — теплой?

— Ну, я не знаю... Как же тебе лучше объяснить... Вот, знаешь, вдруг появляется такое ощущение: приятно, комфортно находиться на лекции в окружении студентов, видеть их устремленные на тебя внимательные глаза, чувствовать тепло их участия. Ты же знаешь, я не люблю высокопарных слов, и все же... Конечно, я могу ошибаться, но в такие минуты начинаешь ощущать, что они — это наше будущее. Впрочем, я не любитель произносить такие возвышенные слова, и мне очень не хотелось бы ошибиться... но возникает такое ощущение, что сейчас они единомышленники и что это все не зря...

— Да что — это?

— Ну как же? Работа моя, в которую всю душу вкладываю, десятилетия подготовки, мастерство — все это не напрасно.

... Некоторое время она постояла, не заходя, на пороге кабинета, наблюдая за отцом. Он, как всегда, работал даже в праздник. Склонился, как-то сгорбился весь, сидя за письменным столом, писал не то докторскую диссертацию, не то конспект новой лекции. Редко-редко отец что-то зачеркивал в своих записях, потом методично, листочек к листочку, складывал уже исписанные ровным разборчивым, очень мелким почерком странички. Время от времени он вполголоса зачитывал сам себе какие-то пассажи, покачивая в такт головой, совершал правой рукой одному ему

понятные равномерные круговые движения, словно сам себе что-то диктуя или рассказывая, затем, взяв ручку, что-то аккуратно записывал на своих маленьких листочках... Он весь, с головой, ушел в работу.

«Ага, ясно, к лекции готовится, — поняла она. — Надо же, и ведь сам, по своей воле, сидит, корпит над лекцией — никто же его не заставляет, а до лекции еще целых три дня!»

А на столе порядок удивительный, для нее просто непостижимый, несмотря на разложенные, казалось бы, в беспорядке бумаги, какие-то толстые тетради, раскрытые книги... Чуть выждав, она подошла, окликнула, обняла его за шею, клонула в макушку.

Отец оторвался от какой-то книги и вопросительно посмотрел на нее:

— Ты что-то хотела, а, Майк? Фильм уже начался? Подожди, только вот точку поставлю...

Отец постукался, вошел в комнату, чуть заметно прихрамывая, как всегда, когда очень уставал, присел с ней рядом на диван, спросил, что она сейчас читает. Она оторвалась от книги и внимательно посмотрела на него. Невысокий, худой, очень аккуратный, одет просто, по-домашнему. Седой, вон, волосы совсем почти белые, но очень густые, жесткие даже на вид, непослушные, рассыпающиеся по пробору, на обе стороны, хотя он тщательно зачесывает их с высокого лба назад... Он рано поседел, совсем молодым — она его только таким и помнила. Вид усталый, конечно. Ну, все ясно, опять целый день провел за письменным столом — работал над докторской диссертацией, а ведь сейчас он в отпуске... И как это она раньше — ну, хоть вчера, позавчера — не замечала, как сильно он устает в последнее время? Она вдруг не столько поняла, сколько ощутила: работа для отца — это еще и отдушина, средство уйти от невеселых мыслей, от реальности, которая, вероятно, не слишком радовала... Взгляд рассеянный, с прищуром, от усталости более резко, чем обычно, обозначились морщины у рта, у глаз, и глаза, обычно мягкие, зеленовато-серые, теперь покраснели, затуманились. Да нет, они у него грустные...

Отец подвинул к себе, заглянул в книгу, которую она читала, задумался, словно что-то припоминая. А, «Заговор равнодушных». Он одобритительно кивнул в ответ на ее немой вопрос, нравится ли ему эта книга, потом тепло, ласково посмотрел на нее, негромко, мягко сказал — а голос такой уютный, бархатный, словно мягкое послевкусие, которое остается от последнего глотка отлично заваренного кофе:

— Слушай, Майк, а ты помнишь, сегодня будут показывать новую серию «Саги о Форсайтах». Знаешь, а ведь хорошо сделали фильм англичане, мне, в общем, нравится. А ты как считаешь? Тебе нравится, да? Слушай-ка, а как этот главный актер, как же его?.. (Эрик Портер — подсказала она) играет Сомс! Тебе понравилось? (Она знала: Сомс — самый любимый герой отца в «Саге»). Ты же смотрела со мной предыдущую серию? Да? И, насколько я понимаю, сегодня должна уже быть серия, в которой Джон возвращается в Англию с Энн, — в общем, «Лебединая песня» Флёр. (Отец знал, что Флёр — ее любимая героиня). Вот как раз начнется уже, — он посмотрел на часы, — через сорок минут. Посмотрим с тобой? И я как раз перерыв сделаю до завтрашнего утра. Я уже сегодня поработал как следует и что-то сильно устал, но зато сделал все, что хотел, сейчас вот только пойду, допишу до точки — а то мне тут одна мысль как раз сейчас пришла в голову — и все сложу... А пока давай-ка выпьем кофею? Знаешь, я ведь сегодня с утра съездил на Кировскую, в магазин «Чай и Кофе» и купил полкило хорошей арабики в зернах — теперь нам на некоторое время кофе хватит. Хотя и пришлось мне как следует в очереди постоять. Свари пока, а?

— Ага, сейчас сварю, конечно.

Она сварила в турке, по классическому семейному рецепту, крепчайший ароматный кофе – именно такой больше всего любили в их семье. Разлила его в маленькие хрупкие кофейные чашечки – любимый, самый уютный и успокаивающий аромат в жизни и любимые, самые изящные чашечки на свете! Потом принесла их в комнату и удобно устроилась рядом с отцом...

...В тот вечер, внимательно посмотрев на меня, муж спросил:

– Слушай, а ты что это такая сегодня довольная?

– А знаешь, лекция у меня сегодня хорошо получилась, мне даже самой понравилось! Я почувствовала это не столько даже по вопросам – больше по глазам студентов, и потом, аудитория стала теплой.

– Как это – теплой?

– Ну, вот знаешь... Как бы тебе лучше объяснить?... – задумалась я. – Вообще-то я тебе говорила, только ты забыл... Вдруг появляется такое ощущение: комфортно и радостно находиться на лекции в окружении студентов, видеть их внимательные глаза, чувствовать тепло их участия... Правда, иначе и быть не может. *Noblesse oblige*... А слегка перефразируя Бердяева, скажем, наверное, так: профессионализм укрепляет достоинство человека. И потом, начинаешь ощущать, что они твои единомышленники – будущая элита страны – и что это все не зря... не напрасно.

– Да что «не напрасно»?

– Ну как же? Работа моя, в которую всю душу вкладываю, годы подготовки, мастерство – вот это все не напрасно.

Я еще не закончила последнюю фразу, как вдруг отчетливо поняла: такой же в точности разговор уже когда-то был в моей жизни. Но когда же? Я задумалась. И вдруг вспомнила: состоялся он много лет назад. Только тогда эти слова произносил отец, когда в те старые времена вернулся однажды домой после мастерски прочитанной лекции...

Откуда-то издалека я услышала мягкий голос отца, эхом отозвавшийся в душе:

– Я почувствовал по глазам студентов... тов... теплой стала аудитория... теплой... не хотелось бы ошибиться... биться... и они единомышленники... это все не зря... не зря... не зря...

Но... что это?

...Яркая вспышка, от которой в полутемной комнате на мгновение стало светло, как днем... Что это? Когда это было? Сосновый бор, строевой лес – и вот же она сама, вот! Совсем маленькая девочка шагает по лесу вдвоем с отцом на закате после грозы и очень старается идти с ним в ногу, как большая. А лес умыл-

ся дождем, вот какой он чистый-пречистый. И откуда-то очень издалека слышится негромкий голос отца. Голос становится то чуть громче, то тише, и звук его то приближается, то удаляется, словно эхо тихонько повторяет за ним: «Давай услышим молчание леса... давай... вай... А теперь, послушай, Майк, как лес звенит... Ма-айк»...

Это видение было таким ярким – золотисто-оранжевый с зелеными пятнышками и сверкающими рыжими искорками лес.

– Солнышко спать уходит, и в лесу от него выросли косые золотые столбики. Смотри: солнышко строит золотые столбики... бики... ки...— показывает папа.

...А запах в лесу острый-острый, и прямо в нос забирается, и колется.

– А когда гром гремит, это страшно, пап... страшно... а... шно а? – спрашивает девочка, и голос ее тоже почему-то раздается откуда-то издалека, становится то чуть громче, то тише, и звук его то приближается, то удаляется.

– Да нет, что ты, напротив, смотри, как весело: запах этот острый у тебя в носу поселился, а солнышко в твоих золотых волосах заблудилось – давай его искать... ис-кать... ать...

А папа большущий, высокий-высокий, а сам добрый, как мамина шуба из морского котика, и голос у него тоже хороший, мягкий, как рукав маминой шубы.

...На какие-то секунды словно вернулось к ней буйство красок, запахов, свежести, нежности, тепла. Любовь осветила темный лес, ночной мир...

Любовь и нежность.

Любовь и доверие.

Любовь – и золотые столбики...

Да. Отец, может быть, более чем кто-либо другой, понял бы меня сегодня. Но отца больше нет, и он уже не может порадоваться, что я продолжаю его дело с радостью и увлечением.

Хотя... А что мы вообще знаем о прошлом и будущем, о тонких телах и эфирных сущностях, о реальном мире и о других измерениях? И кто знает, возможно, ушедшие от нас близкие люди все-таки что-то видят и слышат оттуда, из надвременья, из непроявленного мира, и ощущают, а может быть, и следят за нашей судьбой, оберегают нас?

... Отчего мы стесняемся говорить слова любви и проявляем свою привязанность, нежность к родным и близким людям только тогда, когда они уже уходят из жизни?

СКОРО В ПРОДАЖЕ!

Варвара Иславская

«Сюжет из подвала»

«Сюжет из подвала» - это роман о высших и низших проявлениях человека и его души (любовь, сострадание, творчество, нравственный выбор, проклятие и месть).

Автор ставит вопрос и пытается найти ответ на то, как уравновесить человеческие страсти ради всеобщей гармонии.

ISBN 978-80-7534-026-9; 978-80-7534-027-6. 310 стр.

Галя Букаева

Девочка на шаре

Галина Ивановна, отдыхая в Крыму в санатории, прогуливалась по набережной. Ее внимание привлекла рекламная тумба. На ней висела большая афиша, которая вешала о том, что приехал цирк. С афиши улыбалась красивая девочка на зеркальном шаре в трико с желтой грудкой, в маленькой черной шапочке и небольшими крылышками. Женщине ее лицо показалось знакомым.

Она остановилась, рассмотрела афишу, внимательно прочитала программу. Номер юной циркачки назывался «Девочка на шаре».

— А ведь это Лерочка Синичкина, — она узнала девочку, в судьбе которой принимала большое участие.

Было это несколько лет назад.

Соседка по дому зашла к Галине Ивановне:

— Галина, зайди на пятый этаж, там Валентина почтальонка младшую дочь из дома гонит.

Как-то так повелось: все в доме по любому поводу приходили к Галине Ивановне, и с радостью, и с бедой.

Галина Ивановна, накормив своих домочадцев, пошла на пятый этаж. Дверь открыла Шура, младшая дочь, деваха была не красива лицом, крупного телосложения с большим животом.

— Что случилось у вас? Крик на весь дом.

— Теть Галь, мать ругает, что я беременная, вот и гонит меня из дома. Посмотрите, кто захочет жениться на мне, на такой уродине. И вот я решила, рожу для себя ребеночка, буду жить для него, хоть какая-то цель.

Она нежно погладила живот, вошла мать, сразу начала кричать на дочь.

— Успокойся Валентина, что воздух сотрясать, надо подумать, как выйти из положения.

— Да ее в роддом не в чем отправить, ребенку купить пеленки не на что, живем как нищие. Какие у Шуры грузчицы заработки.

Мать села на стул, расплакалась.

Шура не получила образования, после восьмилетки пошла работать на завод, там ее пристроили в бригаду к мужикам — грузчикам, так как девушка она большая сильная. Начальник думал временно, потом переведет на конвейер, а она прижилась тут. Заработки конечно маленькие, едва хватало на скудное питание, но она привыкла жить бедно, не роптала. Влюбилась в бригадира южной национальности, переспала с ним, забеременела и была счастлива тем.

Галина Ивановна обошла подъезд, поговорила с женщинами, собрали в роддом с миру по нитке, набрали все необходимое и ребенку, и мамаше.

Шура родила дочку, да такую красавицу, молодая мамочка, любящая на малышку, сама становилась красивой, назвала ее Лерочкой.

Нищета, безденежье беспорядок, грязь, чувствовалась в каждом углу. Так они привыкли жить, Валентина мать Шуры — детдомовка, муж — пьяница, повесился, осталась с тремя маленькими детьми, не хватало сил у нее, набегаются почтальонка за день, ни до чего. Дети выросли кое-как, старшая дочь вышла замуж, живет отдельно своей семьей, сын ушел в заводское общежитие, ближе к работе.

Младшая дочь Шуры с матерью, вроде бы можно получше жить, так вот Шура решила родить, опять беспросветная нищета. Но, не смотря на все тяжести жизненные, молодая женщина была счастлива от появления дочки.

Дочка, как цветочек, росла на поле среди сорняков. В пять лет Шура ее записала в кружок художественной гимнастики, возила девочку через весь город два раза в неделю на занятия.

Однажды осенью у Шуры заболело горло, неделю лежала с высокой температурой, лучше не становилось, взяли анализы. Участковый врач даже без вызова зашла к ним домой, велела съездить в онкодиспансер, дала туда направление. С большим

трудом Шура добралась до больницы, ее обследовали и поставили страшный диагноз, рак горла, срочно нужно делать операцию.

— У меня маленький ребенок, не могу я идти на операцию, — заплакала Шура.

— Не сделаешь операцию, умрешь скоро, если сделаем операцию, еще поживешь, — сказал врач.

Выбора нет, дочку надо растить, и Шура соглашается. Прошла молодая женщина все муки ада, многочасовая операция, рентгенотерапия, химиотерапия. Из больницы вышла не стокилограммовая женщина, а худая, изможденная, но полная решимости, жить, жить, и еще раз жить. Пока Шура лежала в больнице, каждый житель подъезда старался помочь почтальонке. Плохо ли, хорошо ли, но малышку растили всем миром. Кружок она не бросала, девочка была очень гибкая, она так гнулась, будто у нее не было косточек. Однажды пришла к ним в кружок молодая девушка из цирка, ей надо было выбрать девочку в свой номер, которая не боялась высоты и была бы гибкая. Выбор пал на Лерочку, так девочка попала в цирк. Она была исполнительная, ласковая, в цирке ее все любили. Гимнастка Елизавета готовила свой номер с Лерочкой. Когда они подготовились и поехали с цирком по городам Поволжья, успех был большой, девочке даже заплатили деньги, небольшие, но это была помощь семье. Ведь мама Леры не могла работать, а инвалидная пенсия крохотная, и пенсия бабушки — почтальонки ничтожна. Хватало лишь заплатить за квартиру и на скудный обед. Галина Ивановна помогала семье, так как привязалась к ребенку, да и Лерочка ее звала «баба Галя». Девочка часто заходила к ней в гости, где всегда получала какие-нибудь подарки, сладости. Когда Галина Ивановна переехала на новое место жительства, стали реже видаться, общались лишь по телефону.

И вот она стоит в другом городе, смотрит на афишу, любящая на свою воспитанницу.

— Надо немедленно пойти в цирк, купить билет и увидеть юную циркачку.

Галина Ивановна любила цирк, пока свои дети росли, ходили на все программы, с внуками тоже посещала. Но всегда закрывала лицо ладошками, когда гимнасты работали на трапециях под куполом.

Билет купила у спекулянтов на пятый ряд, ждала с трепетом выхода девочки. Вскоре на арену выкатили большой зеркальный шар, и тут выбежала худенькая девочка, у нее были большие черные глаза с длинными ресницами. Серебристое трико с желтой грудкой, маленькая черненькая шапочка и сзади крылышки. Она взмахнула крылышками, легко запрыгнула на шар, и вдруг побежала по нему, шар завертелся под ногами. Лерочка бегала по нему, шар катился вперед, назад, в сторону, потом стала танцевать, а когда потушили свет на арене, она вся засветилась. Конферансье что-то сказал, девочка распрямила крылышки и полетела вокруг арены в лучах прожекторов как птичка — синичка. Потом поднялась под купол, присела на трапецию, как на шесток, сложила крылышки. На соседней трапеции была девушка, они стали выполнять головокружительные трюки. Галина Ивановна закрыла лицо ладошками, боялась взглянуть наверх, открыла глаза лишь, когда раздалась громкие аплодисменты. Затем девушки спустились вниз, Лерочка легко запрыгнула на шар, побежала и укатилась за кулисы. Зрители долго хлопали, артистки выбежали несколько раз на поклон. Галина Ивановна, взволнованная, вышла в фойе, спросила служащую, — как пройти за кулисы.

За кулисами артисты сновали туда-сюда, передвигали клетки, готовились к выходу зверей. Лерочка сидела на шаре очень усталая, увидев Галину Ивановну, издала громкий возглас, бросилась к женщине.

— Баб Галь, ты как здесь оказалась? Я может быть во сне?

Женщина обняла девочку, прижала к груди.

– Нет, моя дорогая, не во сне, я здесь в санатории отдыхаю. Как же я счастлива, что тебя увидела.

К ним подошла девушка, Лера познакомила их.

– Елизавета, моя наставница, мы с ней сделали номер.

Галина Ивановна спросила, смогут ли они вместе посидеть в буфете. Елизавета ответила, что просто необходимо восполнить

калории, так как они потратили много сил. В буфете женщина купила бутерброды, пирожные, сок, шоколад. Она видела, как наставница заботится о Лерочке, подумала, что в хорошие руки попала девочка. Есть профессия и хороший наставник. Когда прощались, она сказала:

– Приедете домой, заходите в гости, всегда будем рады.

Синепузов Павел Александрович в свои 26 лет был алкоголиком со стажем. И не удивительно, если взять во внимание тот факт, что злоупотребление спиртосодержащими напитками он практиковал ежедневно. К сожалению ли, к счастью ли, но иными «талантами» Синепузов более не блистал.

На товарищей-субутьльников, коими являлись Иван Михайлович Байкин и Василий Рудольфович Волафна (имевших наглость являться без приглашения), Павел Александрович взирал свысока и, почесывая рабочую мозоль, укоризненно высмеивал слабости непрощенных гостей:

– Напрашивается вопрос: на кой столько жрать, когда и литрушки светлого за глаза хватает? А? Жадность, Иван, не иначе...

– Вы довольно часто бываете правы, Павел Александрович, но сегодня я вынужден с вами не согласиться, а дело в том, что в данном случае будет справедливым отметить один нюанс, весьма значительный, в корне меняющий ситуацию...

– Что на этот раз?

– Жара. Жара проклятушая. Должную поправку не сделал и, как итог...

– Ясно-понятно, – перебил Синепузов, – ну, а вы, многоуважаемый Василий Рудольфович, опять, небось, не выпались?

– Все возможно... но, если быть откровенным, то ближе к истине будет простое желание нализаться до чертиков, что я успешно и реализовал. И, между нами говоря, другого смысла я не вижу, и в этом плане мне вас, Павел Александрович, искренне жаль.

– Что вы имеете в виду?

– А то и имею, что толку пить и никогда не напиваться, что за радость пить и не пьянеть? Сушее проклятие.

– Вы находите? Однако...

Замечание Волафны глубоко засело в распухшей голове Синепузова и не давало покоя ровно неделю, до следующей, на сей раз по приглашению, пьянки.

– То, что Иван Михайлович, вы одиноки и до сих пор не обзавелись второй половинкой – легко объяснимо: беда ваша в том, что вы, Иван Михайлович, максималист и жутко зависимы от мнения окружающих, – рассуждал на избитую тему хмельавший Василий Рудольфович.

Байкин, сжав тонкие губы, отрицательно покачал головой:

– Все куда проще. Просто я...

– А я еду в столицу. Завтра, – перебил Синепузов и под прицелом интригованных взоров продолжил, – на федеральный чемпионат по «Литрболу».

Подобного масштаба, такого множества участников не ожидали даже организаторы турнира. Литрболисты всей страны собрались помериться силами, блеснуть мастерством, ну а кто и просто позарился на халяву. В число лиц последней категории можно смело отнести граждан Байкина и Волафну, приехавших в качестве группы поддержки Синепузова, но прочуввав, что в чемпионате может принять участие любой желающий, решили, что

одно другому не мешает. Этап разминки оказался их потолком, а вот Павел Александрович, надежда и гордость Поморского края, благодаря врожденному дару вкуса с многолетней практикой оказался в числе финалистов, где конкуренцию ему составляли трое претендентов: Хмельницкий Николай Сергеевич, Бражников Сергей Николаевич и почти что тезка с Урала – Синемазолева Анастасия Владимировна, единственная представительница слабого пола.

Финал продолжался три дня и три ночи, до того момента, пока членами жюри не было принято решение сменить водку на энергетический напиток «Ягуар».

Вопреки прогнозам, в ожесточенной борьбе в живых остались только двое, и к всеобщей скорби эти слова не являются преувеличением: Хмельницкий и Бражников получили сильнейшие химические ожоги, приведшие к летальному исходу.

На четвертый день скорбел и Урал – Анастасия Владимировна дала слабину.

И таким чудесным образом Синепузов Павел Александрович вошел в историю, как первый победитель открытого турнира РФ по «Литрболу».

Не прошло и полгода, как наш чемпион напомнил о себе снова, завоевав очередной трофей на межконтинентальном первенстве.

За весьма короткий срок «Литрбол» обрел бешенную популярность, а Синепузов стал его официальным лицом.

Соревнования стали ежегодными и сродни «Евровидению» проходили в стране победителя, то есть в России, так как ровни Павлу Александровичу свет не видывал.

Обретя всемирный успех, Синепузов оказался в недостижимости для простых смертных. Отныне о нем можно было справиться либо с экранов телевизора, либо со страниц глянцевого журнала и т. п.

Байкин и Волафна вели беседу, прогуливаясь по побережью Белого моря:

– Представляете, какую я вчера сенсационную новость услышал? Оказывается спонсорами «Литрбола» приходятся ни кто иные, как масонские семьи!

– Брехня. Каков их интерес?

– Как каков? Что бы общество спойть, народ славянский развратить! План Даллеса вам о чем-нибудь говорит? Как можно быть такой деревней, Василий Рудольфович, не понимаю.

– Ой! Иван Михайлович, я с вас шагаюсь. Мало того, что сами лютый сказочник, так и в другие басни слепо веруете! И вообще, вместо того, чтобы попусту разглаговльствовать, пойдете лучше к «Литрболу» готовиться, месяц остался, чай и нам повезет.

– Если за ваш счет, Василий Рудольфович, то я всеми членами за.

Конец.

Ну и жара! – Евсей, обычный мужчина лет NN с хорошим хвостиком, брякнул сумку на песок. – А народу-то, народу! Просто лежбище тюленей, а не пляж. О, какая киса мимо дефилирует. Воображение тут же услужливо сгенерировало словосочетания, которые Евсей обязательно выскажет друзьям в виде экспромта, когда они соберутся попить пива: «Тоже ведь шалава. Пока уговоришь, не меньше 100 баксов потратишь. Эх, бабы, примитивные создания.»

Он устало плюхнулся на расстеленное полотенце и аккуратно прикрыл голову кепочкой, чтобы не напекло. Мысли текли вяло и буднично,

Наш герой – человек скромный. Со скромными характером, способностями, заработком, здоровьем, размерами и набором жизненных обстоятельств.

Но все как у людей:

подержанная иномарочка с болтающимся чертиком над лобовым стеклом,

должность менеджера,

двое наследников папо-маминых комплексов, которые все свои самые поганые черты характера взяли от родственников по маминой линии;

своя трехкомнатная квартира с люстрой «каскад» в гостиной,

25-летняя любовница из бухгалтерии, которая радовала Евсея минут по 15 разика два-три в месяц, а остальное время раздражала с разной степенью мощности,

книжный шкаф с непременно Дюма, 30% содержимого которого Евсей сроду и уже навсегда толком не читал, но фамилии типа «Гумилев», «Кафка», «Пелевин», «Махабхарата», «Пикюль» и «Лувр – сокровищница мирового искусства» приятно украшали интерьер;

изрядно поеденные молью амбиции, вместе с полусгнившей гитарой сложенные на антресоли;

смартфон в кожаном футляре и кучей хрен-их-разберет функций;

барсетка;

абонемент в спортзал, о котором с нарочитой небрежной усмешкой самца упоминалось в компании под пивко: «вчера в фитнес-клубе чертовски приятная девочка педали вертела, сделал бы я к ней пару подходов по 12 раз» (тут главное было – не назвать точное время пребывания в «клубе», не дай бог кто действительно там был и мог подвергнуть сомнению Евсейское местонахождение. Хотя и вряд ли.)

Ах, да! И жена. Конечно же, а как же. Боевая подруга по жизненным штормам, чуть моложе (была когда-то), все как положено, привычная и родная, как выдавший виды диванный валик.

В общем, все у Евсея «как надо», чтоб перед людьми не стыдно.

И есть еще у него одна маленькая особенность, как у любого человека есть, вот и у него тоже. Он же не хуже других. Маленькая особенность такая. Такая огромная, всепоглощающая, первозданная, невероятная, такая нежная, хрупкая такая, пряная.

СТРАХ.

В Евсее сызмальства жил страх.

Страх показаться не таким, как все. Страх разоблачений – не дай бог эти все увидят, какой он на самом деле. Если бы кому-нибудь понадобилось заставить моего героя покопаться в себе (под дулом пистолета, поскольку сам он испытывал жутковатую панику перед честностью вообще и откровенностью с самим собой в частности), то рано или поздно Евсей дошел бы и до отправной

точки. До момента жизни, когда он бесповоротно превратился в осиновый лист с маской благополучия по периметру. Даже если задать вопрос в лоб – кто эти «все», и какие они сами, Евсей мог бы только напугаться. Потому что – ну все.

Страх намного выше и мощнее самого Евсея, поэтому жить с ним вместе очень нелегко. Приходится вздрагивать, сутуля плечи, чтобы никто не заметил, оглядываться воровато, зорко следить за маской и тратить невероятное количество сил на ее содержание, подкорм и прочность креплений.

Горячий песок приятно согревал спину. Не хотелось ни о чем думать, шум пляжа убаюкивал, наваливалась нега – опасная такая для Евсея штука, отвлекающая от привычного контроля за своей маской-скорлупкой – чтобы не сползала, не треснула нигде. Он вообще не умел расслабляться – это страшно. Зато виртуозно владел состоянием «расслабиться-бдить» (с) [понятие принадлежит Лукьяненко С.В.]

Евсей, занервничав, потянулся за сигаретами в сумку (бросать надо курить, Евсеюшка, ведь противно самому, невкусно, но настоящие мужики в его юности обязательно курили, залихватски повесив папироску на губу и выдыхая дым с видом победителя турнира).

Что-то сильно кольнуло его под левой лопаткой. Как будто в победителя турнира, раскланивающегося на арене, поверженный соперник, умирая, метнул копье.

В одну долгую долю секунды Евсея захлестнул смертный ужас, опутал по ногам и рукам и утащил в пучину вспыхнувшего в мыслях страшного слова «инфаркт». Евсей никогда бы не поверил, что можно вот так, ослепшим и оглохшим от паники, подломив колени и сжав застывшие руки, увидеть всю свою жизнь и последствия своей смерти в микроны времени, растянувшиеся как резина и бьющие по ушам, сердцу, легким.

Ясно и резко, как на профессиональной фотографии.

Там было и позорное бегство от шпаны в 9-м классе, когда все увидели, какой он трус;

стояла разгневанная жена-змеюка, узнавшая про любовницу (а ведь узнает, обязательно узнает, если Евсей попадет в реанимацию и потеряет контроль над тысячей мелких улик вроде забытого в кармане чека на золотую цепочку с висюлькой-пошлым сердечком, да и над этой психованной дурой из бухгалтерии с невозможно сексапильными ногами, которой вечно всего мало);

там небрежно надувал пузырь из жвачки евсейский сын – неблагодарный паразит, презрительно кривя губы – первое крупное разочарование в жизни: дети, оказывается, не все время стремятся почитать отца за властителя;

там краешком выглядывал не до конца подделанный и оставленный в столе фин. отчет, который попадет в руки коллег-собутыльников, чтоб им подавиться, и вызовет шквал ненависти от недополучивших мелочи из стандартного распила;

даже эта заносчивая девчонка с первого курса, посмеявшаяся над неловкостью юного Евсея и предопределившая вереницу его недолгих внебрачных подружек класса «экономический, со скидкой», которые мстительно повышали евсейскую себестоимость в его же глазах, там тоже присутствовала, стерва, высокомерно ухмыляясь.

Все, все покрывается прахом, все старательные труды по склеиванию одного вранья с другим, по самообману, по производству пыли, которая в глаза, по раздариваемым дружеским фальшивым улыбкам, уверениям, обещаниям.

И все это лупит по глазам, по щекам, по ногам размашистым: «Я УМИРАЮ».

Евсей, уже поверженный, уже раздавленный неотвратимым, немного разогнулся. Так же шумел пляж, детскими визгами и плеском воды, так же зазывали продавцы мороженого, а дефилирующая мимо киса еще не скрылась из вида, и плевать им всем было на скрюченного обычного мужика лет NN с хорошим хвостиком, только что за пару секунд пережившего добрую сотню лет жизни, если брать во внимание опыт.

На подстеленном под тушку воскресающего из пепла старца полотенце валялась дохлая оса.

Сознание медленно разворачивалось, будучи закукленным в кошмар мары, в голове рассветало.

– Ахххххх-оссссаааааа... – беззвучно выдохнул Евсей, чувствуя, как возвращается восприятие, и как под лопаткой не-

выносимо чешется.

– Оса! – повторил он вслух, проверяя легкие. – Оса, – громко высказался Евсей и заплакал. Впервые в своей взрослой жизни абсолютно не волнуясь, что подумают об этих ужас-стыдно-как слезах окружающие.

А окружающие вообще ничего не заметили. У них со своими масками-скорлупками забот полно, не до праздности.

Хотя нет. Маленький белокурый мальчик с совочком подошел вплотную и внимательно смотрел снизу вверх своими синими рентгенами.

– Дяденька, Вам больно?

Больно, мальчик. Нам часто больно. Мы как вы – не смотрим под ноги, не слушаемся маминых «нельзя!», поджигаем петарды, суем пальцы в розетки и боимся теней.

Рождение розового слона (в простонародье) или белого светлогожего альбиноса от Индийского слона встречается редко в природе. В воде кожа альбиноса становится розового цвета. Ген альбиноса по наследству не передается. В Королевстве Таиланд, в деревне, где появилось на свет такое «чудо» – на сто лет жители обеспечены денежным пособием от Его Высочества Короля.

Розовый слон сразу становится собственностью Короля и его семьи. Живет такой слон в Королевском зоопарке, который может посетить любой житель королевства и туристы. На нынешний год в Тайском Королевстве – одиннадцать штук.

Обыкновенная серая слониха может произвести на свет альбиноса. Но в Бирме (Мьянме) был случай, что розовая слониха произвела на свет... тоже розового слоненка.

В далеком Тайском Королевстве, где всегда жара, и нет зимы, где все жители королевства летом и зимой ходят в коротких шортах, футболках и босиком, недалеко от столицы Королевства – города Бангкок, в деревушке Ноу-Су, что находится возле небольшой пресной реки, жители собрались в питомнике слонов.

Их небольшая деревня разводит и выращивает слонов, обучает их носить плетеные корзины на спине, возить-катать в них туристов, выполнять несложные цирковые трюки: кланяться зрителям, вставать на одно колено, кидать в надутые воздушные шары острые дротики и под аплодисменты зрителей пробивать их.

Молодая слониха Ру произвела на свет первенца. Он оказался красивым и необычным розовым слоненком. Как только рабочий увидел это, он побегал босиком по дороге вдоль деревни, громко крича: «Наша Ру через двадцать три месяца родила розового слоненка, своего первенца. Радуйтесь, веселитесь и устраивайте вечером большой праздник, дорогие сельчане и родственники. Сейчас же староста деревни отправит гонца в город Бангкок, в Королевский Дворец, к Королю и его семье. Пусть вся страна Таиланд знает, что в нашей маленькой деревне родился розовый слон, и теперь в Королевстве на одного – РОЗОВОГО – слона будет больше. Пусть малыш принесет нам здоровья и достаток!»

Люди выбегали из деревянных хижин, покрытых сверху сухим тростником, и радостно бежали к молодой слонихе. Они несли маленькие бананы, листья тростника и другие фрукты.

Молодая мама-слониха не могла ничего толком понять: почему все веселятся, смеются, тычут пальцами в ее ребенка – маленького слоненка?

Маленький розовый слоненок с большими ушами и длинным хоботом широко открыл свои светлые глаза, увидев много людей и услышав шум, очень испугался, встал между передними ногами мамы, схватил своим хоботком большой хобот мамы и весь задрожал...

– Не бойся моя красавица, – сказала тихо слониха. – Это люди, они не причинят тебе ничего плохого, они заботятся о нас, любят и кормят нас. Я назову тебя Сью, что значит «Трусиха». Возьми и пососи молоко. Мне надо узнать, почему люди так радуются и веселятся.

Маленькая, около метра в высоту и килограмм так сто весом, розовенькая Сью нашла маленький сосок на животе у мамы и стала сосать теплое молоко.

Молодая мама наелась фруктов и стала ждать возвращения других слонов.

Прошло несколько часов, вечерело. Другие слоны возвращались со своей работы – развлечения туристов: катания их в корзине на спине, демонстрации несложных цирковых номеров.

– Привет, Ру. Поздравляем тебя с малышом-слоненком. Как твоё здоровье? Мы слышали, что он розовый? – интересовались слоны и мотали головами в знак одобрения.

– Да, это девочка Сью, и она такая маленькая и розовенькая, – гордо говорила молодая мама-слониха, – Но она всего боится и дрожит.

– Ничего, она привыкнет к людям и полюбит их больше чем тебя, – тихо сказала старушка-слониха.

– Да, да! Она будет жить, как королева, во дворце и забудет тебя, – тихо говорили другие, взрослые слоны, – Мы слышали, что таких красивых слонят забирает Король. Когда ты перестанешь кормить ее молоком, ее отвезут во дворец. Это будет через три-пять лет. Они живут во дворце. У них есть слуги – люди, которые их кормят, моют и одевают в красивые накидки, расшитые золотыми нитками. Там они живут долго-долго и никогда больше не видят свою маму.

Глаза Ру погрустнели.

– Неужели это правда? Неужели люди заберут у меня моего ребенка? Я больше ее не увижу? – и крупные слезы покатались из ее глаз.

– Да! Это правда, – сказал самый старший и большой слон, – Но это будет не сегодня и не завтра... это будет через много, много месяцев, когда она подрастет.

– Я так не хочу! Я не хочу отдавать своего малыша. – сказала мама-слониха и замотала головой.

– Тихо, тихо, не пугай малышку, – сказал старый слон, – Молчи и заботься о ней. Все так и должно быть. Не нами это придумано. Потом малышка подрастет и уедет во дворец. А ты будешь знать, что с ней все хорошо, что она живет, как королева.

– Пройдет время, и у тебя будет еще детеныш. Может, на этот раз – такой, как у всех, – успокаивала ее старуха-слониха. – И тогда будет он рядом с тобой всегда. Не плачь и не пугай малышку. Прими все как должное!

– Теперь и нашим погонщикам-людям, и нам будет легче жить,

– тихо говорил старый слон. – У нас будет обеспеченная старость, и мы сможем не работать, когда будем старыми. Так что спасибо тебе за рождение этого малыша. Он принес нам достаток до конца нашей жизни.

Все слоны покачали головами и подняли хоботы кверху.

Только мама-слониха была невесела и долгие месяцы у нее были грустные глаза.

Староста деревни выгнал из гаража новенькую легковую машину и отправил самого достойного работника в Королевский Дворец.

*Даже если нас будут разделять КИЛОМЕТРЫ,
Нас всегда будут соединять ВОСПОМИНАНИЯ...*

(Интернет)

– Друзья, предлагаю еще раз поднять бокалы за нашу дорогую Марину Николаевну, за нашу красавицу и умницу, за нашего нового доктора наук, ура!

«Господи, как я устала. Скинуть бы сейчас эти проклятушки каблуки и вытянуть ноги. Посидеть в тишине с чашечкой кофе». Она одарила всех присутствующих улыбкой и позволила тостующему поцеловать себя. «Господи, как я хочу услышать его голос. Почему он не звонит? Он же знал, что у меня сегодня защита».

– Марина, мне нужно уехать, – его шепот напугал ее, вернув обратно за праздничный стол и развевая ее сокровенные мысли.

– Как – уехать? – она не хотела, чтобы муж увидел ее рассеянность. – Я думала, что поедем домой вместе.

– Не могу, – он поцеловал ее, – не могу. Работа, ты же знаешь! Но я горжусь тобой и буду дома сразу, как только освобожусь.

Она смотрела по очереди на уходящего мужа и на молчаливый сотовый телефон. «Ну почему он не звонит?»

Замуж Марина вышла будучи студенткой университета. Виктор к тому времени был уже директором крупной компании. Несмотря на значительную разницу в возрасте, Марине казалось, что она встретила свою любовь, которая и будет той единственной и обязательно на всю жизнь. «И жили они счастливо и умерли в один день». И жили они, правда, неплохо. Муж ее баловал, она его оттеняла своей красотой и молодостью. Она занималась наукой, он занимался политикой. Он радовался за нее, она гордилась им. Редко виделись, часто уезжали в командировки. С годами не так уж бурно встречались, не так уж печально расставались. Жизнь текла. Она была абсолютно уверена в нем, а он абсолютно доверял ей. Мой, ... мой посуду...

– Привет, Синица, – красивый, высокий, он стоял перед ней, улыбаясь во всю широту своей лучезарной улыбки. – Ты откуда здесь, Синица?

– Здравствуй, Паша. Я здесь в командировке.

– Да ты, Синица, типа бизнесвумен?

– Нет, Паша. Я типа наукой занимаюсь. Работаю в лаборатории университета. А ты, Паша, какими судьбами здесь?

– А я, Синица, живу здесь. Уже двенадцать лет как живу. А ты где живешь, Синица?

– В Москве, дома, – она почувствовала себя ученицей перед директором школы. – Я не поняла, Паша, зачем ты меня про это спрашиваешь?

– Вот сейчас я тебя узнаю, Синица. Здесь ты где живешь, я спрашиваю. Ясно дело, что в командировке, а живешь-то где? – он засмеялся, притянул ее к себе и поцеловал в макушку. – Как была ты, Синица, дурындой, так и осталась. Моя милая дурында. А то напугала, наукой она занимается.

– Ты, Хее, облачись в самые лучшие свои одежды, новые... и обязательно – в кожаную обувь, и поезжай в город, к Королю. Смотри, там не болтай лишнего и улыбайся шире. Не опозорь нашу деревню, – дал наказ староста деревни.

На следующий вечер вернулся из города работник. С ним прибыло двое молодых мужчин.

– Нас прислали к вам в деревню. Мы будем заботиться о слонихе-маме и ее розовом слоненке. Перевезем свои семьи и будем тут жить, пока слониха будет кормить слоненка молоком, а потом перевезем в Королевский зоопарк, – сказали они старосте деревни.

– Паша, а ты тоже не изменился. Как был бульдозером, так и остался. Я немного отвыкла от твоих вопросиков. А здесь я живу в общежитии университета, как все научные сотрудники.

– Ты, Синица, не обижайся – он не выпускал ее из объятий – узнала бы про меня, позвонила бы, сказала бы: «Так, мол, и так, Паша, еду к тебе, люблю по вечерам горячую ванну, а по утрам теплый душ». А то – я в общежитии. Мы с тобой, Синица, десять лет за одной партией провели, а это почти родственники. Дай, я тебя поцелую, Синица моя дорогая!

– А я уже, Паша, не Синица. Я замужем, Паша. И фамилия моя уже не Синица, а Колесникова. Так что горячая ванна и теплый душ – в прошлом. Да и ты, Паша, наверное, женат?

– Вот сколько времени думал, как это называется, так и не догадался. А ты сразу определила – женат, наверное! Короче, Синица, давай телефон, адрес своего обитания, и – до вечера. И никаких Колесниковых, Синица моя дорогая!

Он записал ее номер телефона, написал ей свой, поцеловал ее в макушку и исчез так же мгновенно, как и появился...

«Интересная, Мариночка, у тебя жизнь. Он появляется, когда хочет, и исчезает, когда ему нужно. Он звонит мне, когда ему скучно, и никогда не звонит, когда я так жду его звонка. Он никогда не говорил мне, что любит, а я уже не представляю без него жизни. Вот почему он мне не позвонил? Пусть даже не поздравит, а просто узнать про защиту. Ему все равно. Как хорошо, что Виктор ни о чем не догадывается. Хотя, наверное, в пятьдесят восемь уже страшно о таком догадываться. Нет, пусть я считаю, что Виктор ни о чем не догадывается, пусть я буду хорошей женой, и пусть я больше не буду ждать от него звонка. Работа моя завершена, командировки мои закончились. Я буду учиться жить без него, потому что любить это хорошо, но и быть любимой тоже неплохо».

Замуж она выходила по любви. Ей было двадцать, ему было тридцать восемь. У него была сумасшедшая жена, у нее была великая вера в то, что она сделает его счастливым. Жена со временем исчезла, вера со временем укрепилась. Он был счастлив с молодой женой, часто говорил ей, что любит, и позволял Марине абсолютно все. Она любила его заботу о себе, его подарки и внимание. Детей у них не было. Сначала она училась. Потом она увлеклась наукой. Она заполнила его мир собой и считала, что он счастлив. Он выглядел счастливым и считал, что она счастлива. Они были счастливы вместе, пока Марина не встретила Его. Он ворвался в ее жизнь свежей струей. Она даже и не думала, что может быть такая близость с мужчиной. Она смущалась своих криков во время секса, а он веселился и доводил ее до оргазма вновь и вновь. Она отдавалась ему сразу, без остатка и молилась, чтобы так было всегда. Командировки стали частыми. Финансирование ее проекта никто не ограничивал, результатов ее трудов никто не проверял. Она этим пользовалась и ничего не могла с собой поделать, потому как начинала скучать сразу после их расставания. Она стала нервной. Она

не высыпалась. Она мечтала быть с ним всегда. Она даже готова была отказаться от своей обеспеченной жизни и переехать в этот маленький городок, в его маленькую квартиру. Но... он не звал ее.

– Марина Николаевна, голубушка, рад видеть! – Лев Георгиевич поднялся из-за стола навстречу своей гостье. Помог ей снять пальто и проводил на диванчик для посетителей.

– Лев Георгиевич, я тоже рада вас видеть, и спасибо вам, что нашли для меня время.

– Что вы, голубушка! Я ужасно горд тем фактом, что один из первых на вашей защите сказал «да». Я ужасно рад, что уже два года мы в нашей клинике используем ваш препарат. Ваш препарат, голубушка, дает весьма впечатляющие результаты. Вы, Марина Николаевна, умница.

– Спасибо, Лев Георгиевич. Вы всегда меня поддерживали.

– И буду поддерживать. Такие светлые головки – большая редкость, я вам скажу. Благодаря вашему вкладу в науку, мы, врачи, можем помогать людям. Может, это звучит помпезно, – Лев Георгиевич подошел к шкафу и достал папку с бумагами, – но хочу рассказать вам о весьма интересном случае в моей практике. У нас проходит курс терапии молодой человек, Антон Глебов. Сейчас ему двадцать девять лет. Первый приступ был четыре года назад. Парень задыхался. Причина приступов, как всегда, трудно диагностируемая. Мы стараемся, делаем свое дело, а ваш препарат делает свое. Вместе мы сделали чудо! На работу парня еще не отпустим, но приступов почти нет.

Марина изучала историю болезни. Лев Георгиевич готовил чай и с большим удовольствием наблюдал за Мариной.

– Впечатляет, Лев Георгиевич. Еще раз убедилась в вашем высоком профессионализме.

– Спасибо, голубушка, – Лев Георгиевич предложил Марине чай. – Да что мы все о работе, Марина Николаевна? Что же вас привело ко мне?

– Привело, Лев Георгиевич. Непокорно мне. А почему? – Марина пожалала плечами и едва удержала слезы.

– Марина Николаевна, голубушка, у талантливых людей так бывает. А давайте к нам в санаторий. Полежите недельки две. Витамины, сон, свежий воздух. Вместе посмотрим, что вас беспокоит.

– А ваш Антон Глебов – тоже талант? – Марина прослезилась и от этого чувствовала себя неловко.

– Антон Глебов – талант! Он очень талантливый художник.

«Два года. Господи, прошло уже два года с нашей последней встречи. Тогда я думала, что не смогу жить без него. А вот живу. Или не живу? Человек жив, когда любит. Я люблю или нет? А любила ли я? Когда выходила замуж – любила или нет? Может, просто было приятно, такой «лощенный» дядечка у твоих ног. Виктор, наверное, любил меня. Но со временем отдалился, уединился, закрылся. Все правильно, говорят, душа чувствует обман. А я врала. Я любила Павла и врала Виктору. Куда же делась любовь к Павлу? Два года ожидания: сейчас он мне напишет, сейчас он мне позвонит, сейчас он меня позовет. Вчера Павел приехал ко мне с цветами и предложением выйти за него замуж. И я с ужасом поняла, что не люблю Его. Может, я не способна любить?»

Санаторий встретил Марину хорошей погодой, необыкновенной тишиной и вкусным обедом. Отдыхающих было немного. Осень, не сезон. «Курортный роман не состоялся в связи с отсутствием объекта». Это обстоятельство Марину не расстроило, а даже наоборот. Она гуляла по парку и разговаривала сама с собой. Эти разговоры были не очень приятные, но необходимые. Через несколько дней разговоры прекратились, и Марина с удовольствием слушала тишину. По утрам она проходила процедуры, после обеда читала книги, после ужина ходила в соседнюю деревню за молоком. Постепенно к ней возвратился сон, вернулся аппетит и желание купить себе новые туфли. «Наверное, это и есть выздоровление».

– Девушка, а не хотите портрет?

Марина обернулась посмотреть, кто ее позвал. В беседке сидел парень с мольбертом и весело ей улыбался.

– Хочу, – Марина улыбнулась в ответ.

– Прощу, – парень жестом пригласил Марину присесть на лавоч-

ку. – Улыбайтесь, девушка, через двадцать минут вылетит птичка.

Марина старалась не двигаться. Легкий ветерок играл ее волосами. Солнце щекотало нос и щеки. Марине было тепло и весело.

– Готово, – парень сравнил свою работу с Мариной и был явно доволен. Он подписал рисунок и протянул его Марине.

– О, как здорово! Спасибо. Вы знаете, я ужасно нефотогенична. Ни одной приличной фотографии. Это первый портрет, который мне нравится. Спасибо. А имя художника? – Марина перевернула рисунок и прочитала «Антон Глебов». «Антон Глебов. Двадцать девять лет. Первый приступ был четыре года назад» пролетело у нее в голове...

– А как зовут мою прекрасную незнакомку? – Антон стоял рядом и улыбался.

– Марина. Марина Колесникова.

– Марина! Вы красавица, и вам сделать плохую фотографию просто невозможно, – он взял ее руку и поцеловал. – А давайте завтра устроим фотосессию?

Марина пожалала плечами.

– Соглашайтесь, Марина. Я обещаю вам, будет весело. Доставьте мне удовольствие.

– Хорошо, договорились.

– Хорошо, договорились. А сейчас, Марина, давайте прогуляемся.

...Она привязалась к этому мальчику. Она искала его глазами. Она радовалась, когда он дул ей в затылок и говорил: «Привет, красавица!» Они проводили вместе уже неприлично много времени. Он писал ее портреты. Она часами слушала его. «Как много знает этот мальчик. Как он мне понятен в своих рассуждениях. Как у него все просто. Как мне хорошо с ним».

– Ты хочешь это? – Антон целовал ее в шею.

– Да.

– Я люблю тебя, – Антон взял ее руки и отнес на кровать.

...Она проснулась очень рано. Антон спал рядом. Дышал он ровно и спокойно. Она поцеловала его и пошла к себе. Сегодня она уезжает. Сегодня она возвращается.

«По-другому не бывает. Я взрослая девочка. Я старше его, даже себе не хочу говорить на сколько. Он молод, красив, талантлив. Я не хочу думать с кем он, мне важно, чтобы ему было хорошо. Может, это и есть любовь?»

– Марина Николаевна, голубушка, здравствуйте.

– Добрый день, Лев Георгиевич.

– Как самочувствие?

– Отлично, Лев Георгиевич, отлично.

– Сколько прошло времени после вашего обращения к нам?

– Больше четырех месяцев.

– Очень хорошо, Марина Николаевна. Да и результаты ваших анализов говорят о том же, – Лев Георгиевич листал ее медицинскую карту. – Ну, так что, Марина Николаевна, по чайку?

– А с удовольствием. Тем более что я с не пустыми руками, а с вашими любимыми ватрушками, – Марина достала красивую корочку и открыла ее. – Сама пекла.

– А запах! Вы, Марина Николаевна, умница!

Лев Георгиевич угощал Марину чаем, рассказывал ей про события в клинике, в науке, в семье.

– Лев Георгиевич, а как ваш больной, Антон Глебов?

– Антон Глебов умер. Но ваш препарат здесь ни причем. У него приступ случился на фоне воспаления легких. Мы не справились. Талантливому, наверное, трудно жить. Марина Николаевна, вы побледили. Вам плохо?

– Не беспокойтесь, Лев Георгиевич. Я в санатории познакомилась с Антоном, поэтому известие о его смерти мне не безразлично.

«Почему? Зачем? Я ведь люблю его. Любила...» В этот момент что-то толкнуло ее под сердцем.

«Я люблю тебя»... «И я люблю тебя»...

Она пешком шла по городу. У нее началась новая жизнь. Новая жизнь, в которой она любит и любима. Ей предстоял непростой разговор с Виктором, но в новой жизни нет места обману. Жизнь проста, когда в ней есть любовь, так Он ее учил...

– Чего стоим? Кого ждём? – раздался насмешливый голос откуда-то сзади. Молодой парень-неформал с мышиного цвета волосами до плеч вздрогнул от неожиданности, машинально определил тембр голоса – контральто, слегка покраснел и, наконец, обернулся.

За его спиной стояла девушка. В глаза сразу бросилась грива её вьющихся тёмных волос, треплющихся по ветру на фоне тёмно-серых низких гуч. Сама дамочка была высокая, одетая в какие-то мешковатые вещи: зелёную майку, серые джинсы размера на два больше, чем нужно. Под мышкой девушка держала книгу ядовито-фиолетового цвета.

Машинально парень отошёл от края крыши восемнадцатизэтажного дома, сделав шаг навстречу странной дамочке.

– Я сначала думала, реально спрыгнешь, – как ни в чём не бывало, продолжила говорить девчонка, – Вылетел сюда какой-то смурной, бешеный... Я даже поспорила с собой, что ты уж точно доведёшь дело до конца. Но, к сожалению, я проиграла самой себе, – лицо кудрявой тронула презрительная усмешка, но глаза загорелись интересом.

– Да как ты смеешь? – со злобой в голосе отвечал парень, сжав руки в кулаки и нахмутив лоб, – Я – не спрыгну, скажешь?

– Не-ет, – не обратив внимания на раздражение парня, протянула девушка, – Если человек собирается прыгать, то делает это сразу. А такие, как ты, подолгу стоят, смотрят вниз, скрипят зубами, жмут кулаки, корчат рожи, шмыгают носом, вспоминая свою жизнь и накручивая себя – и всё ради того, чтобы потом неловко осмотреться, в надежде, что их никто не заметил на крыше, и тихонечко свалить домой. Нет, ты – не спрыгнешь.

– Да что ты вообще понимаешь! – угрожающе повысив тон, резко выплюнул парень, – Свалила отсюда, быстро! А не то...

– Короче, – резко перебила его нахалка, – Я пойду сейчас во-он в ту, – она указала пальцем, – Дешёвую, но милую забегаловку и закажу себе зелёный чай с лимоном и без сахара. На самом деле я его терпеть не могу, но всё равно выпью – потому что я проспорила самой себе. Правда, в конечном итоге я не выдержу и «зацеплю» себе ещё и несвежее пирожное, покрытое полусохшей глазурью, чтобы заест интересный сюжет, – девчонка потрясла в воздухе книгой, – Так как почитать здесь сегодня ты мне помешал, я буду «добивать» роман в кафешке. Удачно приземлиться.

Хотя я уверена, что ты не сможешь этого сделать. Спорим?

– Делать мне больше нечего – с идиотками спорить, и... – возразил было он, но девушка снова перебила.

– Если вдруг раздумаете прыгать – спускайся в кафешку и присоединяйся. Сдаётся мне, что я не успею ещё взять пирожное, как ты уже окажешься рядом, и в таком случае сладкую «вредность» для меня купишь ты, – она ухмыльнулась и издевательски выдала, – Чао – какао!

Тёмные волосы взметнулись напоследок, и в считанные секунды дамочка исчезла в проёме чердачной двери.

Дикая ярость и ядовитый протест поселились в сердце парня. Он снова подошёл к краю крыши и вскоре заметил гриву тёмных кудрявых волос уже внизу: пробегая по улице, новая знакомая даже не подняла на него глаза, а через пару минут скрылась за дверью местного кафе.

В голове продолжали проноситься образы бессмысленной, бесцельной, наверное, жизни. Каждый день одно и то же. Каждый день – пустота и фальшь. А все эти уроды ещё смеют учить его жизни!

«Да я побольше вас всех, вместе взятых, знаю! Надоели до чёртиков. Но вы же не отстанете! И без вас сдохнуть охота, так вы же ещё и добавьте, и по ранам больным проедете не раз, а потом с тупым выражением лица будете вопрошать, что же ТАКОГО вы мне сделали, что я вас так возненавидел?»

Надо с этим покончить – назло всем этим самодовольным рожкам! Надо. Надо ли?

Ведь тускнели они, эти мысли, быстрее, чем покрашенные в розовый цвет волосы ненатуральной блондинки.

– А-а, чёрт! – крикнул он в небо, резко развернулся и быстро зашагал к выходу с крыши. Тяжёлая металлическая насквозь проржавевшая дверь мерзко скрипнула и зажужжала в его руках, когда он отворил её, а после так громко стукнула о косяк, что задрожали даже стены.

Но на лице парня расцветала улыбка. Невольная улыбка сквозь пелену гнева. Почему, спросите вы? А потому, что у парня появилась какая-никакая, а цель в жизни: угостить всё-таки наглуго девчонку пирожным.

Напоминаем, что приобрести книги нашего издательства Вы можете:

- в нашем офисе: Skleněný můstek s.r.o., Horova 12, 219, Karlovy Vary
- в магазине «DINO»: I. P. Pavlova 36, Karlovy Vary

Заказать по почте: Vítězná 37/58, Karlovy Vary 360 01, Česká republika

Приобрести наши книги в интернете можно на следующих ресурсах:

<http://eshop.czpress.cz/> <http://www.litres.ru> <http://svoy.ru/> <http://www.softsalad.ru>

<http://biblioclub.ru> <http://www.martinus.cz/> <http://www.martinus.sk/>

<http://knihy.abz.cz/>

Татьяна Шамма-Долиннина

Татьяна Шамма-Долиннина Поэт, переводчик, фотограф, лингвист. Родилась в г. Минск, Беларусь, 1973г. Закончила Минский государственный лингвистический университет. Переводчик. Лингвист-исследователь, автор ряда научных статей, специалист по знаковым системам. Преподавала в Европейском Гуманитарном Университете. Авторский курс на английском языке «Изображение как знаковая система», автор учебного пособия. Сотрудничала с ООН, др. международными организациями по поддержке 3-го сектора экономики (благотворительные проекты, общественные объединения). Фотограф, специальность фотожурналистика. Публикации поэзии в периодике, авторский аудио-альбом поэзии «Я рождаюсь как утро...», Изд-во «Век искусства», Рязань – СПб., 2004, CD. Стихи на английском языке включены в антологию современной поэзии, «Письма души», Нью-Йорк, 2003 («Letters from the soul» N-Y, 2003); в трехтомный аудио-альбом «Звуки поэзии», Нью-Йорк, 2003 («The Sound of Poetry», N-Y, 2003); Альманах «Чувства без границ», № 18, Москва 2012, др.

ВРЕМЕНА...

В ловушке страсти, строго говоря,
Мне почему-то вдруг хотелось
Объять собой невиданную прелесть
Опалых листьев в луже сентября.

Малиновые стаи, как кликуши,
Собой лобзая изморось потом
Валились с неба, словно долотом
Терзая доломитовые лужи.

Но к декабрю пространство стало тайной,
Мороз, на цыпочках дорожку проторя,
Летел вперед на крыльях января,
Войдя в февраль каретой погребальной.

Опять апрель. Гремели звонко стаи,
Летучая и ясная пора.
Капель игриво, словно детвора,
Бросала в окна мячики из стали.

К июню солнце снова стало жарче,
И, словно оторопь, рассыпанная вью,
Июль с утра косил немую бровь,
К полудню разгораясь снова ярче.

Но август, как магическим шестом
Пройдя насквозь немислимые тверди,
Земной королей настойчивее вертит,
Растягивая сумерки, притом

Своим дыханьем накрывая снасти,
Как саваном искусственный чертог –
Вновь чертит нарастающий итог,
Ушедших лет и новых дум во власти.

В моем окне, как стойкая отрава,
Стоит сентябрь листом календаря,
Простой ответ

вычерчивая зря.
И новой страсти
возмещая право.

* * *

Мой сад расцвел в разгаре дня.
Раскрылись листья, солнца лепет
Спокойно повергает в трепет
Цветок забытого огня.

Такая сладостная новь
Сочится в листьях – то ли будет!
И ночи купол не забудет
Моих дерзаний плоть и кровь.

Томлений тонких не та,
Уж спорит с высью взмах особый –
И ставит метку звездной пробы
Ему подвластная земля.

Мое создание земное,
Который год тобой роптал.
Твое творенье огневое
Ступило днесь на пьедестал.

Я помню годы роковые
В иных обителях земных.
Они прошли, передовые,
Не мне теперь гостить у них.

Я знаю каждый ветхий камень
В пустынях страждущих разлук,
Я каждый тронула руками,
Усталыми от тихих мук.

Я видела, как мел веками
Сухую падаль терпкий ост,
Испепеляя шедших с нами
Стезями, падкими до звезд.

Теперь иное представленье
Так незначай являет лик.
Долой убогое томленье.
И выйгрыш, право, не велик,

Но знаю, что осветит дали
Знакомый росчерк огневой.
Вы братья преград не обещали?
Берите! Снова за кормой,

Внимая каждой новой песне,
Играя, катится поток.
Его игры признанья лестны.
Отныне теплится восток...

* * *

Опять несу свой крест печальный,
Несет меня судьбы река,
Какою трепетною тайной
Меня манит издалека?

Века прошли, но все осталось,
Течет по-прежнему река.
Своих убранств река усталость
Катит, катит издалека.

* * *

И тихая твоя прохлада,
И нежная моя печаль,
Играют вместе – им так надо...
Восстав в расплывчатую даль,

В едва оттаявшей воде,
Воздегы небу, плети плещут,
И, как на вековом суде,
Сурьяню сумерки трепещут.

* * *

Когда не думать ни о чем –
Мое таинственное счастье,
Когда игра, врываясь в дом,
Не принесет с собой ненастье,

Когда бесценно хороши
Обрывки сладостного плена –
Повеселимся от души,
Собой играя неизменно.

De Rorae Coeli

De rorae coeli et de roris cocti

С тихим бризом,
скользящим ввысь,
Не вози мне даров, не надо.
Обернувшись, немой Улисс
Неизбывным тревожит взглядом.

Мне долгов таких не вернуть
Песней норновой –
да и долга ли?

Мне не торный проложен путь
Временами иными, долгими.

Мой наемни уж пробил час.
Имена все давно уж вписаны.
Мой родник – пока не угас –
Меня пламенем потчует истовым.

Мой родник – из других высот.
Мне служить –
да не службой маяться.

Моих птиц среброзвучных взлет
Отпивать от высот не откается.

Мои нивы в другом краю,
Где дороги уж все истоптаны.
Нежно-синюю гладь мою
Лебедицы ласкают да соколы.

Мне не выйти в другой удел,
Да другого и не искала я.
Видишь, сокол опять взлетел,
Отмеряя мосты над скалами.

Мой не мной обретен оплот,
Мне ль не знать своего часа ли?
Мне – отпробовать горький пот,
Да не впредь,

не плотками частыми.

Уж угодыя мои легли
Виноградными лозами чистыми.
Мне осталась лишь соль земли,
Да звезда с глазами лучистыми.

У забытой песчаной косы
Лишь отрешья лежат, скучены.
Мне бы только небесной росы –
Да земли для нее тучной...

Нонна Исадская

Желание

Он возвращался каждый вечер домой в пустую квартиру. Сегодня его не радовало успешное заключение договоров. Он отказался от ужина в ресторане. Настроение было паршивое. Он приготовил себе кофе. Рецепт приготовления был его фишкой. Это было признано его друзьями и коллегами. Посмотрел в планшете новости и направился в спальную. Лечь и попытаться забыться сном. Крепким или как повезёт. Но для того, чтобы снять напряжение, ему была нужна женщина. Его Вера погибла на съёмках, уже прошло 10 лет. Но сознание не отпускало: слишком счастливыми были они с Верой, его женой. Правда, была Зара, их дочь. Она уже взрослая, и у неё своя жизнь. И так, нужна женщина, и она пришла. По вызову. Женщину звали Марта. Он наблюдал за ней. Она прошлась по квартире. Затем приняла душ. Довольно долго. Его терпение начинало закипать. Она прошла в спальную, попыталась задавать случайные вопросы. Он понял, она нервничала. Когда они легли в кровать, он захотел её разглядеть. У неё были зелёные глаза и жёлтые зрачки. Волосы коротко подстрижены и спортивное тело. Он любил такие фигуры. Вот и всё, что он успел разглядеть. Она попросила погасить свет, что его сильно удивило. Они занимались сексом при свете уличных фонарей и французской музыки.

Он проснулся первым. Она лежала к нему спиной, подтянув ноги к подбородку. Ему захотелось погладить её по спине, но он не решился. Он вышел из комнаты и вернулся с подносом в руках. От горячего кофе шёл приятный и будящий аромат. Его запах разбудил Марту. Испуганным голосом Марта прошептала:

– Сколько времени?

– А ты спешишь?

– Да, мне нужно отвезти дочь в школу.

– У тебя есть дочь? – Удивлённо спросил он.

– Почему ты удивляешься?

Он промолчал. Она вышла из комнаты и прошла в душ. Он испытывал огромное удовлетворение от проведённой с Мартой ночи. Его не оставляло ощущение, что рядом с ним была его Вера. Он должен рассчитаться. Улучив момент, он сунул деньги в карман её плаща. Марта поспешно ушла, избегая разговора.

Вскоре пришла Зара.

– Папа! Как ни странно, но мне нужно немного денег, я хочу открыть паб. Кстати, буду готовить кофе по твоему рецепту.

– О какой сумме идёт речь? – Спросил он, беря из рук дочери журнал. На обложке журнала был портрет Марты.

– Кто это?

– Где? А, на обложке... Это – редактор журнала, Анна Суворова, очень талантливый редактор.

«Зачем редактору известного журнала выполнять интимные услуги? Какая чушь!» – Размышлял Иван. Так звали моего героя. Просматривая содержание, он находил интересные зарисовки. Сам он писал небольшие рассказы, которые пользовались успехом у сегодняшнего читателя. Время больших романов прошло. В журнале были рубрики современной моды, советы косметологов и психологов. Недаром журнал назывался «Женское счастье». Настоящий мастер-класс был дан в разделе «Мужчина и женщина». Зара ушла. Иван захотел приобрести ещё пару журналов, но в соседнем киоске его не оказалось. «Пользовался спросом», – успокоили его.

Он позвонил дочери.

– Зара, мне нужен этот журнал, у тебя есть?

– Я посмотрю...

«Да, нашла парочку. Но зачем они тебе?» – спросила дочь, когда он заехал за ними. Иван молча забрал журналы и поторопился уехать, словно бежал от вопросов.

О самой Анне Суворовой совсем немного. Философское образование, стажировка в многочисленных агентствах за рубежом. Её журналу всего два года. Информация о семье отсутствовала. Журнал, как и портрет хозяйки, был наполнен позитивом. Часы показывали пять. Сидя в машине на парковке, он отключился от внешнего мира. Зона очень удобная для размышлений.

– Поеду к редакции: может, повезёт, и я увижу её.

Детективная завязка предполагаемого романа вполне устраивала его. Он не хотел признаться себе, что его охватило желание увидеть Марту ещё раз, а может – другое... Его любовь к Вере была настолько сильна, что она до сих пор не отпускала его.

Иван подъехал к зданию редакции. Терпеливо, с удивительной настойчивостью стал ждать. Из редакции стали выходить сотрудники. Они покидали свою голгофу. Работа в редакции – тяжкий труд, когда в радость, а иногда – в каторгу. На этом рынке завоевать своего читателя очень трудно. Журналистов много, но таланты крайне редки. Наконец, в дверях редакции появилась Анна. «Или Марта?» – мысли путались в голове Ивана. Её сопровождал молодой мужчина. Иван вышел из машины и решительно направился к цели.

– Добрый вечер!

– Вы откуда? Впрочем, всё равно. Что вам надо? Вы решили преследовать меня?

– Я хочу поговорить с вами.

Анна повернулась к спутнику:

– Борис, вы поезжайте домой, я не задержусь.

Они стояли друг против друга и глазами пытались вести диалог. Анна: «Нужно как можно быстрее закончить это случайное знакомство».

Иван: «Я должен её прочитать».

Он применяет этот термин к каждой женщине, которая появляется в его жизни.

Наконец, Анна произнесла:

– Что вам нужно?

– Мы должны поговорить.

В характере Анны, как журналиста – никогда не отказываться от диалога. В нём она черпала такой кладезь информации, да и не только...

– Хорошо, только недолго. Я знаю тут недалеко одно местечко. Можно пешком. Идёмте! – скомандовала Анна и направилась, не оборачиваясь на Ивана, к знакомому уютному ресторанчику.

По привычке Анна перехватила инициативу и взяла ситуацию под свой контроль. Такой у неё характер: быть «поводырём».

Они сидели в маленьком ресторанчике, здесь разрешалось курить. Анна сразу закурила, кивнула знакомому официанту и делала заказ:

– Два кофе и воды без газа. – Затем надела чёрные очки и обращаясь к Ивану, произнесла: – Ну, и...?

Иван, оказавшись в роли слепого, молча взирал на спутницу. Такое с ним происходило впервые. Чтобы он позволил женщине так управлять ситуацией? Кофе был так себе. Иван пожалел, что не пригласил Анну к себе, да и вряд ли бы она согласилась. В другой раз.

– Здесь очень уютно, – Иван старался погасить нервозность Анны и держал паузу.

– Да, я здесь люблю бывать. Так что вы от меня ждёте? – Она не сказала «хотите».

– Марта или Анна, ответьте мне. Это была ты, Анна?

Анна рассматривала сидящего перед ней мужчину и задавала себе вопрос: «Почему она, Анна, спокойно пьёт кофе и не горюпит собеседника?» Похоже ей с ним даже комфортно. Она уже забыла о том времени, когда ей было так уютно с женщиной. Спокойно. Хотя внутри она злилась на себя. После гибели мужа они с дочерью остались вдвоём. Это и спасало её от резких движений. Дочь требовала внимания. Прошло 6 лет. Дочь занимается музыкой, танцами, а у неё – работа, работа и опять работа.

Иван накрыл своей рукой руку Анны:

– Анна! – он позвал её так.

Она очнулась от своих дум:

– Да, я – Анна Суворова, редактор популярного журнала. А ви-зит к вам... считайте, это мой каприз. – Она сделала глоток кофе. – Хорошо, я попытаюсь объяснить вам, зачем мне нужен такой экстрим... – Она хотела продолжить, но удушливая волна подступила к горлу. Анна потеряла сознание.

Очнулась она в кровати.

Открыв глаза, она увидела Ивана, который внимательно рассматривал её.

– Доброе утро. Всё хорошо?

– Где я?

– У меня. Мы сидели в кафе. Вы потеряли сознание. Вы что-нибудь помните?

Анна пыталась вспомнить. Она закрыла глаза. Молчание повисло в воздухе.

– Дочь, дочь! – она попыталась встать.

– Не беспокойтесь. Я нашёл телефон и позвонил. Она дома, с гувернанткой. Вам нельзя волноваться.

Иван смотрел на Анну. Для него она была Мартой. Она ещё не отошла от глубокого обморока. Глаза были прикрыты, ладошкой она по-детски прикрывала рот, готовый разорваться от зевка. Иван поднялся:

– Вы вставайте и приходите пить кофе. Душ вы знаете где.

Пригавливая кофе, Иван размышлял: «Я не буду задавать Марте больше никаких вопросов. Марта. Марта случайно или не случайно, но ты появилась в моей жизни, и я не хочу тебя отпускать. Так рассуждают мужчины или большинство поймавших свою жар-птицу и почувствовавших это. Но! Есть ещё женщина, её желание быть или не быть с тобой. В любви мы выступаем часто как собственники. Но позвольте. Обвинив партнёра, мы теряем любовь».

Марта появилась в кухне мокрая, капельки воды были на плечах, шее и далее, ниже. Ивану очень захотелось подойти и слизнуть их. Но он не решился.

– Приятный аромат.

– Попробуй и скажи, как на вкус.

Марта пила кофе короткими глотками. слегка зажмуривая глаза от удовольствия:

– По-моему, я никогда не пила такой вкусный кофе. Как тебе удаётся получить такой букет?

Иван, польщённый похвалой, приземлился рядом за стол и не отрываясь стал наблюдать за Мартой.

– Ты хочешь что-то спросить?

– Нет, скорее попросить. Можно, мы не будем говорить о том, как ты появилась у меня в первый раз? Можно, я буду звать тебя Марта? Ты позволишь?

Молчание длилось несколько минут. Иван помыл турку, свою кружку, прежде чем услышал ответ:

– Я согласна.

«Раз она согласна, значит, она согласна на продолжение их отношений», – Иван замурлыкал любимую мелодию: «Возьмёмся за руки друзья»...

Но всё оказалось гораздо сложнее. После этого дня Иван не видел Марту. Она исчезла. Растворилась. Словно её никогда и не было. Только в квартире Ивана Марта присутствовала. Он убрал в шкаф буфета чашку, из которой она пила кофе. Он не стал её мыть. Пытаясь разыскать Марту, Иван позвонил в редакцию. Ему

ответили, что Анна Суворова улетела в Италию, когда будет – неизвестно.

Злой от неудачного финала так интригующе начавшегося романа, Иван пытался забыть в работе. Он придумывал командировки. Там, где обычно решали и раздували спорные ситуации помощники, он вмешивался сам. Делал всё гораздо быстрее и эффективнее. Сказывались опыт и обаяние, которое было присуще ему, как писателю.

Возвращаясь из очередной поездки, он прежде всего бросался к телефону и в который раз убеждался: желанного звонка не было в записи. Звонили друзья, вопрошая, куда он пропал. Звонили издательства, скучающие без его рукописей. Нет, нет и нет. Она не звонила. Когда Марта уходила, он с надеждой на весточку дал ей номер домашнего телефона. Наконец, ожидание достигло точки кипения, и Иван позвонил в редакцию. Анны не было и неизвестно, когда будет.

Самолёт в Рим улетал через три часа. Иван позвонил дочери. Решение было спонтанным, приняв его, он успокоился. Но надолго ли?

Поистине мудрая фраза: «Чем дальше находится женщина от мужчины, тем она желаннее».

Бег, снова бег, и наконец уже близка цель. Но она опять ускользнула. Правильно ли он поступает? Может отпустить. Он надеялся, что Марта тоже не хочет.

Поездка в Италию оказалась безуспешной. Анны не было нигде: ни на показе мод, ни в кулуарах богемного мира, ни на престижных спектаклях. Несмотря на неудачу, Иван остался доволен посещением показов новых коллекций и реакцией публики. Шекспировские страсти разгорались на подиуме. Зрителя держали в напряжении. Звучала музыка тех стран, чьи модели демонстрировались.

Иван сидел в уютном кафе и решал проблему возвращения. Прозвонил дверной колокольчик, в дверях показалась Анна. Она была не одна. Увлечённо болтая со спутником, она прошла в другой зал, не замечая Ивана. Ступор. Иван долго не мог отойти от неожиданного видения. Он искал её, а она здесь, рядом и – не заметила его.

«Всё! Нужно возвращаться домой!» – Иван рассчитался, вышел из кафе и через пару часов летел обратно в Россию. *Finite a la comedia*.

А Анна? Что с ней? Где она?

Анна приехала в Италию по приглашению. Книга ещё не напечатана полностью, но уже вызвала большой интерес у кинематографистов. Образ женщины России – стержень книги. Экранизация русской классики – «Доктор Живаго», «Война и мир», «Анна Каренина» – вызвали интерес к русской теме. Последняя экранизация «Анны Карениной» столкнула множество мнений, и всё же признана самой удачной. Поэтому выбор пал на Анну Суворову, хорошо известную за рубежом и дома. Она, в свою очередь, не могла закончить книгу, пока не встретила Ивана на одной из презентаций. Они не были представлены, но Анна разглядела его. Сюжет был подхвачен. Книга закончена. В ней подробно были описаны сцены встречи Марты с Иваном. Фильм по книге оказался кассовым. Зритель, как часто бывает, повёл себя непредсказуемо.

Иван в это время жил уже в Австралии. Туда он сбежал, чтобы забыть и перекрыть сознание. Но оно не отпускало. Он прекрасно понимал. Эта любовь – подарок неба – последняя, и она не отпускала его. Поступок Анны так распорядиться возникшими между ними отношениями. Смело. Если не сказать больше. Решение поехать в Россию было принято внезапно. Он получил толчок изнутри.

Он стоял перед дверью и нажимал звонок. Дверь открылась.

– Ты? – Молчание повисло в воздухе.

Они снова вели диалог глазами.

Анна: «Зачем ты пришёл? Между нами всё кончено, и ничего не может быть. Уходя... Уходи».

Иван: «Анна, ты моя и только моя. Я не отпущу тебя».

– Я могу пройти? – произнёс он вслух.

Анна пропустила гостя.

Иван впервые у Анны. Адрес помогли найти друзья. Он прошёл в гостиную, поставил на столик у дивана шампанское, положил рядом коробку шоколада.

– Я поздравляю тебя. У тебя удача.

– Ты о чём?

– О книге и о фильме.

Она не хотела раскручивать эту тему именно с Иваном. Тема закрыта. Каждый раз она говорила себе это, когда кто-то пытался дознаться до сути. Должно пройти немало лет прежде, чем зритель узнает о прототипах. В душе она чувствовала перед Иваном свою вину. Её поступок был... Но, искусство требует жертв. Вспомните «Игрока» Достоевского.

– Подари мне книгу.

Анна засуетилась и быстро покинула комнату. Иван, воспользовавшись её отсутствием, открыл шампанское, налил его в бокалы... и в бокал Анны высыпал порошок.

Анна вернулась с книгой в руках:

– Я подписала её. Это на память о тебе.

Он поднял бокал:

– Я ещё раз поздравляю тебя.

Он наблюдал, как Анна опустошила торопливо бокал, словно не хотела, чтобы он задержался здесь. Она поставила бокал на стол и приземлилась на стул:

– Что-то у меня с глазами? Они закрываются.

Иван взял руки Анны в свои и сжал их. Анна внезапно уронила голову на стол и замолчала. Иван поднял её на руки и понёс в спальню:

– Теперь ты принадлежишь только мне.

Он ласкал её при свете уличных фонарей, как тогда, в первый раз. На следующий день в интернете появилась скромная информация о смерти Анны Суворовой, редактора популярного журнала.

Желание обладать невозможно уничтожить в себе. Все попытки потерпят крах.

СКОРО В ПРОДАЖЕ!

Olga Fer/Ольга Фер

«Kuchařský bál»/«Кулинарный бал»

Večer v zámku začínají hasnout lustry. Zní příjemná pomalá hudba. Sem a tam rozsvěcuje se světylky, tančící valčík... Vídeňský valčík, vůně květin a ovoce. A hned – záblesk! Ve velkém sále tancují dvojice. Ženy mají na sobě krásné šaty, muži jsou ve společenských oblečení. Hudba kouzlí a volá někam... Pak další záblesk. Místo valčíku už zní rychlé tango... Světylky taky začínají se měnit. Dvojice vznikají a zase mizejí v přítmi sálu. Trvalé se mění i hudba: menuet, zumba, foxtrot, cha-cha-cha a tak dál, dál... Jeden z mužů něco říká své partnerce, něco zvláštního, určeného jen pro ni... A tím se začíná zázrak: škareda promění se do krásné princezny, Ježibaba – do Červené karkulky... Život a pohádka panujou tady spolu. Kouzelník je uspokojen: dnes koná ho bál. Bál v jeho kuchyni.

Замок. Вечер. Гаснут свечи. Звучит медленная приятная музыка. То там, то тут вспыхивают огоньки. Они кружатся в вальсе... Венский вальс, аромат цветов и фруктов. Вдруг вспышка света! В большом зале танцуют пары. Дамы в бальных платьях, мужчины в костюмах. Музыка несет и завораживает. Внезапно свет гаснет

снова. Вальс сменяется изящной импровизацией быстрого танго. Освещение меняется. Пары кружатся, кружатся, на миг замирают и исчезают в полутьме... Танцы сменяются - с быстрых на медленные, с менуэта на румбу, с фокстрота на ча-ча-ча, с хоровода на диско-фокс... Выделяется одна пара - каждой даме, которые меняются с каждым новым танцем, партнер говорит что-то особенное, приятное только ей. И вот Дюймовочка превращается в Царевну-Лебедь, Баба-Яга в Красную Шапочку... Сказка и быль царят тут. Они сменяют друг друга. Волшебник удовлетворен. Сегодня его бал, бал на его кухне.

ISBN 978-80-7534-031-3; 978-80-7534-032-0. 180 стр.

Станислав Радкевич
«Август-91. До и после»

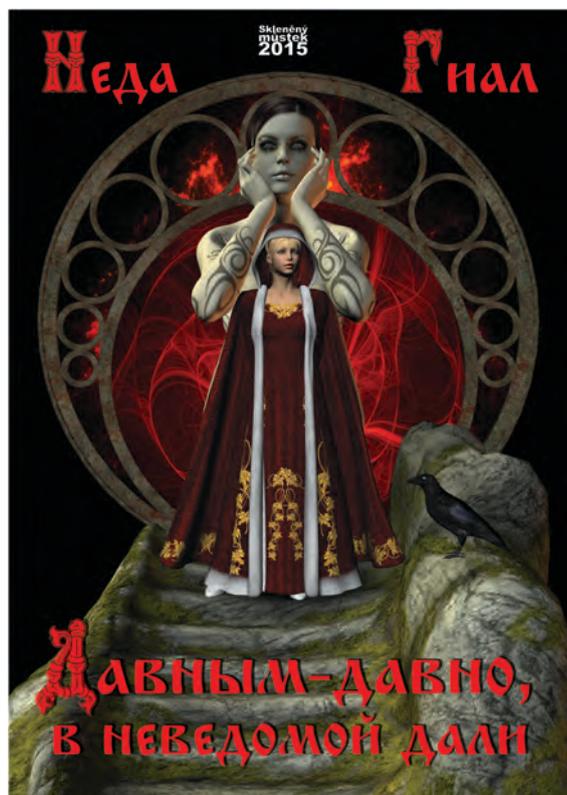
«Вот, говорят, умерла литература. Вот, говорят, нет (и не дожидется) в России среднего класса. Появление прозы Радкевича – опровержение и первого, и второго тезиса. Он вводит нового героя – «среднего русского». Это совсем не одиночка «новый русский». «Средний русский» – это то, кем может стать большинство из нас, если, конечно, ничего не случится. Кто он, этот «средний русский» (кто мы)? Как он вписывается (мы впишемся) в мир? – знает ли об этом сам автор? Пошел ли процесс?»

Татьяна Морозова, «Литературная газета»

«Радкевич вывел главного героя, олицетворяющего собой «среднего русского». Это человек, родившийся в средней советской семье, который, «достигнув жизни середину», оказался на баррикадах у Белого дома в августе 91-го. Судя по происходящим в нашей стране событиям, у главного героя книги есть шанс поучаствовать на склоне лет в еще одной «революции» – оранжевой. Остается надеяться, что он к этому времени станет более разборчивым в выборе тех, кто оплачивает баррикады».

Федор Хмелевский, «Литературная Россия»

ISBN 978-80-7534-024-5; 978-80-7534-025-2. 190 стр.

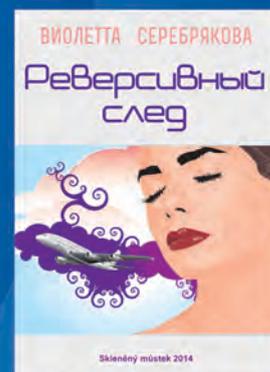
Неда Гиал

«Давным-давно, в неведомой дали»

Драгомира протирала от пыли старые книги, напевая какую-то старинную мелодию, которую ей в детстве пела мать. Ей нравилось, когда её посылали убирать библиотеку – в отличие от других девушек, её не пугали старинные мрачные залы, в которых свет факелов не достигал потолка. А кроме того она была там одна, без их постоянной болтовни и строгих окриков домоправительницы. Нередко, после того как она завершала уборку, она оставалась подольше, чтобы почитать. Поскольку умение читать было редким среди незнатных девушек, никто об этом не догадывался. А со временем, видя, что она единственная, кто с радостью этим занимается – остальные молоденькие служанки верили в чепуху о духах, якобы живущих там, или заклинаниях, излучаемых запрещёнными книгами о колдовстве – домоправительница просто отдала ей ключ. Теперь она могла прокрадываться туда по ночам и даже читать запрещённые книги, настороженно, вздрагивая при малейшем шорохе. Эти книги хранились в небольшой комнатке, их не разрешалось открывать никому с тех пор, как чародейство было объявлено вне закона и все колдуны и ведьмы были или истреблены, или вынуждены спасаться бегством, с тех самых пор, когда её матери пришлось бежать».

ISBN 978-80-7534-028-3; 978-80-7534-029-0. 120 стр.

ИЗДАТЕЛЬСТВО SKLENĚNÝ MŮSTEK

Ваша книга -
здесь и сейчас!

HOROVA 12, KANCELÁŘ Č. 220
360 01 KARLOVY VARY, ČR
KONTAKT@SKLENENYMUSTEK.CZ
+420 774 799 444
+420 353 223 292

ČESKÁ HVĚZDA
- četnost vydávání - měsíčník
- místo vydávání - Karlovy Vary
- evidenční číslo z MKČR: E 20834
Vydává Skleněný můstek s.r.o.
Vítězná 37/58, Karlovy Vary
PSČ 360 09 IČO: 29123062
DIČ: CZ29123062

Все права авторов охраняются законом об авторском праве. Копирование, публикация и другое использование произведений и их частей без согласия автора преследуется по закону.

